

Пророчество

Автор:

[Василий Горь](#)

Пророчество

Василий Горь

Пророчество #1

Могла ли подумать студентка 1-го курса института Мария Логинова, что знакомство с новым одноклассником обернется для нее не только чередой захватывающих приключений, но и ввергнет ее в эпицентр междуусобиц могущественных спецслужб России, а закончится вообще в другом мире? Вряд ли... Но близость к юноше, когда-то вынужденному бежать из своего мира на Землю, однажды круто изменила ее жизнь...

И однажды, доверчиво вложив ладошку в привычную к мечу ладонь, она сделала первый шаг в жизнь, в которой, кроме Счастья и Любви, ее ждали и смерти близких, и интриги Империи Ордена Алого Топора, и Твари из иного мира...

Василий Горь

Пророчество

Глава 1

– И это все, черт тебя побери? – В глазах генерала плескалось бешенство, и Лемешев понял, что находится на грани, за которой его ждет Смерть. Такая же страшная, как и у предшественника, которого в прошлом году, на глазах майора

перемоло в кровавые ошметки на заброшенном и используемом несколько не по назначению режимном предприятии.

– Товарищ генерал! Я же вам докладывал, что люди Крутицкого не дают нам работать! А вы приказали без команды с ними не связываться! – Чувствуя, что его голос предательски дрожит, майор на миг замолчал, сглотнул комок, подступивший к горлу, и вытащил из папки еще один листок.

– Вот, посмотрите, что пишут аналитики – по их подсчетам, доля генерала на черном рынке необработанных алмазов за последние два месяца выросла на десять процентов! Его оборот втрое выше нашего. А поделаться с ним что-либо сложно – у него такая поддержка в верхах...

– Какая на хер поддержка?! – взвился Шокальский. – А у нас ее, что, нету? Неделю на подготовку контрмер, ясно? И не дай Бог опять облажаетесь, майор... Сгною... Задушу лично!!! Вопросы?

– Никак нет, товарищ генерал! Разрешите идти? – дурным голосом взвыл испуганный до смерти Лемешев и, пятась к двери, трясущимися руками еле-еле засунул бумаги в не слушающуюся его папку...

– Вали! – Генерал рухнул в жалобно скрипнувшее под его неподъемной тушей кресло и промокнул платком выступивший на лбу пот:

– У, суки, зажрались... Но мы еще посмотрим, кто кого!

Удостоверившись в том, что дверь захлопнулась, он еще раз пробежал глазами суммы, поступившие на его личный счет в швейцарском банке за последний месяц, и сравнил их с теми, которые, по данным его разведки, поступили Крутицкому. Доходы конкурента были чуть ли не втрое выше.

– Ну, падла, я тебя еще достану... – буркнул он вполголоса и, разорвав лист на мелкие кусочки, выбросил их в мусорную корзину под столом. Потом включил компьютер, набрав пароль, открыл самую засекреченную директорию на сервере Управления и принялся за работу...

Тем временем майор Лемешев, еле оправившийся после разноса, буйствовал этажом ниже: походя «построив» ни в чем не повинных аналитиков, он ворвался в кабинет своего подчиненного – зам. начальника отделения планирования и разведки, чтобы выместить остатки своего страха и злости именно на нем.

– Сидоров, твою мать! Тебе что, трудно убрать десяток-другой сволочных спецов Крутицкого? У тебя мало людей? Тебе не хватает оружия или возможностей? Может, денег тебе мало? Почему практически у нас под носом эти скоты делают все, что им заблагорассудится? Что вылупился, как рыба? Шевели мозгами! Сделай же что-нибудь! На планирование акции у тебя четыре дня, понял? Не сделаешь – тебе как... Вопросы?

– Кого убирать будем? Самого?

– Не знаю! – замялся майор. – Ты подготовь несколько разных вариантов... А там посмотрим! О, кстати, у них есть несколько приисков под контролем! Почему бы нам не устроить на одном из них какую-нибудь заварушку?

– Можно еще курьеров хлопнуть! – Сидоров, довольно спокойно глядя на беснующееся начальство, докурил сигарету и бросил бычок в направлении захламленного мусором угла комнаты. – И им – геморрой, и нам лишний товар перепадет! Да и суммы они нехилые катают! Только вот охрана у них неслабая...

– Хрен с ней, с охраной! Наши ведь тоже не пальцем деланные? Давай, планируй чего-нибудь! Ведь сможешь, если захочешь?

– А что хотеть? Вы, товарищ майор, поконкретнее прикажите, а мы сварганим как надо! Нам-то что необходимо? Приказ получить! А если его нет, мы и не чешемся!!!

– Не чесаться надо, Сидоров, а думать!!! – снова заорал Лемешев, но уже тише – мысль пощипать курьеров показалась ему заманчивой, и он начал прикидывать, как бы донести ее до генерала так, чтобы получить максимальные дивиденды...

– Ладно, мне некогда, а ты тут обмозгуй варианты и завтра доложи мне, ясно? Пока, я пошел...

– Да, кстати, товарищ майор, тут Гвазава и Левченко в отпуск просятся...

– Какой на хер отпуск, капитан? У нас Акция на носу! Вот отработают и пойдут!

– Уже год динамим...

– И хер с ними, потерпят! Не в детском саду, бля... – Громыхнув на прощание дверью, Лемешев вышел в коридор и торопливо направился к лестнице – через час сорок в гостинице «Турист» его ждала приятная встреча с Валентиной из парикмахерского салона, с которой он познакомился два дня назад, а до нее по московским пробкам еще надо было добраться...

Однако стоило ему сделать пару шагов по ступенькам, как в кармане завибрировал мобильный. Посмотрев на экран, Лемешев понял, что о запланированном удовольствии можно забыть: звонил генерал Шокальский.

– Слушаю, товарищ генерал! – нажав на клавишу приема, вытянулся в струнку майор. – Никак нет, я пока работаю... Так точно, сейчас буду!

Пряча телефон на место и быстрым шагом возвращаясь к кабинету всесильного шефа, майор почувствовал, как между лопаток потекли струйки холодного пота – судя по голосу начальства, оно было еще в более злобном настроении, чем двадцать минут назад. И действительно, влетев в кабинет шефа, Лемешев аккуратно прикрыл за собой дверь и постарался сдержать подступившие к горлу рыдания: рядом с Шокальским, вальяжно развалившись на стуле, восседал сам Кощей – главный специалист службы по устранению неугодных или чем-то провинившихся перед генералом сотрудников.

«Только не по мою душу, боже!» – взмолился про себя майор и выдавил из себя слова приветствия.

– Ты, говорят, тут тупишь не по делу? – насмешливо прищурился капитан. – Не можешь заровнять каких-то там конкурентов? Может, постарел ты, Петро, а? Пора и о душе подумать?

– Никак нет! Я все могу! – взвизгнул Лемешев, испуганно переводя взгляд с генерала на капитана и обратно.

– Да ну, ты гонишь! – ухмыльнулся Кошей и неожиданно встал со стула. – Ну, например, допрыгни до потолка! Слабо? А всего-то четыре с половиной метра! Значит, врешь в глаза... Двум уважаемым людям... Нехорошо...

Лемешев, уставившись в его немигающие, холодные, как у удава, глаза, вдруг понял, что стучит зубами и не может сдвинуться с места...

– А ведь ты, батенька, трус! – Капитан, обойдя жертву вокруг, вопросительно посмотрел на Шокальского и поинтересовался: – Товарищ генерал! Он действительно такой незаменимый? Или вы его терпите по инерции? На мой взгляд, проблема, которую он не может решить, не стоит и выеденного яйца... Ну навскидку можно найти каких-нибудь отморозков, заплатить им и их руками убрать это– го самого конкурента. Озадачить подрывников... Или снайперов – и тем, и другим все равно надо тренироваться ... Еще что-нибудь придумать...

– Я думаю! – попытался было подать голос Лемешев, но вдруг почувствовал, как стальные пальцы капитана сжали его горло, и зажмурился – умирать не хотелось совершенно...

– Рот закрой, пока тебя не спрашивают, чмо!

– Пожалуй, ты прав! – буркнул из-за стола с интересом наблюдающий за мучениями проштрафившегося подчиненного генерал. – По-моему, он свое уже отработал. А на его место можно поставить, скажем, того же Сидорова – не дурак, отдел потянет, пахать умеет... Пожалуй, так и решим!

Капитан довольно кивнул, резко дернул рукой, и Лемешев, услышав хруст под подбородком, вдруг понял, что не может дышать... А через мгновение изображение в его глазах подернулось какой-то странной рябью и исчезло навсегда...

– Убери эту падаль, Леха! И вызови ко мне Сидорова! – эхом отдалось в затухающем сознании тела, мешком оседающего на пол...

– Машка, смотри! – Довольно чувствительный тычок в бок острым Танькиным локотком заставил меня оторваться от обсуждения новой кофточки от «Escada», виденной мною вчера в магазине в Столешниковом переулке, куда меня занесло вместо лекции по изрядно надоевшему сопромату, и повернуть голову к входной двери в аудиторию. – Как тебе новенький?

– Мда... – протянула я автоматически, стараясь удержать нижнюю челюсть, вдруг ни с того ни с сего устремившуюся к полу. – Это про него ты мне вчера все уши прожужжала?

– А то! – зашептала мне на ухо Татьяна. – Ты посмотри на его плечи!

Плечи парня, вошедшего в нашу аудиторию, и правда поражали своей шириной, но мой взгляд почему-то прикипел к его предплечьям, густо перевитым вздувшимися канатами мышц и переплетенным сеткой вен... Даже для меня, избалованной вниманием нашего записного качка Валерика, сидящего на анаболических стероидах с пеленок, поразил объем этой части тела нашего нового одноклассника – каждую его «ручонку» в темноте я бы легко спутала с ногой!

– Охренеть! – пробормотала я после небольшой паузы и, подумав, добавила: – Морячок Папай!

Танька тут же прыснула в кулак и повернулась было к Петьке-РЛС, как Недремлющее Око рявкнуло откуда-то от доски:

– Смирнова! У вас случайно нет платка?

– Есть! – машинально ответила я и полезла в стоящую рядом сумочку.

– Тогда вытрите слюнки себе и соседке, отвлекитесь от так заинтересовавшего вас мужчинки и сообщите нам, пожалуйста, что такое масса?

– Мера инертности тела! – подумав, буркнула я, под хохот аудитории пряча обратно выхваченный из сумочки злополучный платок.

– Замечательно! – ухмыльнулся профессор и, радостно похрустев пальцами, добавил: – А теперь, как обладатель глубочайших знаний в физике на уровне шестого класса общеобразовательной школы, не будете ли вы так любезны решить нам вот эту примитивнейшую задачку по теории общей электротехники?

С задачей я не сразу, но справилась, а ехидные смешочки в мой адрес, то и дело раздававшиеся из разных частей аудитории, изрядно испортили мне настроение, так что к концу семинара мне захотелось побыстрее свалить из института, забежать домой, распотрошить свою нычку, добраться до «Арбат-Престижа» и купить себе что-нибудь безумно нужное из косметики. И, пожалуй, новую сумочку. Или сапожки, потому что на улице уже осень, по ночам заморозки, и вообще, имею же я право иногда делать себе незапланированные подарки?

Однако в этот день свершиться этим наполеоновским планам было не суждено: неугомонная Танька потребовала, чтобы я проводила ее до Охотного Ряда, где у нее первое свидание с совершенно очаровательным парнем, о котором она мне рассказывала в субботу в косметическом салоне, или в воскресенье по телефону. Как оказалось, идти одной ей было немного страшно, так как «вдруг он – маньяк, потому что у него такие длиннющие ресницы»... – в общем, ее понесло, и я, вздохнув, согласилась. Так что к началу следующей пары я уже спускалась в метро, выбросив из головы и новенького, и его ручищи, и теорию общей электротехники вместе с Недремлющим Оком, и будущий экзамен... Как оказалось, зря...

Глава 3

Домой я добрался довольно быстро. Даже успел забежать в магазин и набрать достаточно продуктов, чтобы хватило на неделю, как выражается Дед, моему молодому, страшно ленивому, но все еще зачем-то растущему организму. Удерживая пакеты с едой всем, чем только можно, я добежал до подъезда, оттопыренным мизинцем набрал код на домофоне и угодил прямо в лапы сидящей в засаде консержке.

– А вы знаете, молодой человек, что мы тут не просто так, а смотрим за тишиной и порядком на вверенной нам территории? – поинтересовалась седая морщинистая мегера, наверняка разменявшая пятую сотню лет и по ночам явно

летающая на шабаши на какой-нибудь метле. При этом она вцепилась узловатыми, но от этого не менее цепкими пальцами в мою куртку, лишив всякой возможности проскользнуть к спасительным лифтам.

– И труд наш должен оплачиваться вовремя и в полном объеме! А вот такие бездельники и тунеядцы, как вы, позволяют себе игнорировать закон! – Она патетически закатила глаза и неожиданно злобно продолжила: – Ты из сто второй квартиры, не правда ли?

– Нет, что вы! Я из сорок шестой! Могу паспорт показать! – облегченно заявил я, но для того, чтобы разомкнуть ее хватку, одних слов оказалось мало: пришлось предъявить заветную страничку с пропиской... Стараясь не показывать, что расстроена, старая мегера нехотя разжала пальцы и, бурча себе под нос что-то злобное, скрылась в своей клетушке. Я облегченно вздохнул и, в несколько шагов преодолев длинный коридор, шмыгнул в открывшийся лифт...

Дома было тихо... Скидывая с ног кроссовки, я вслушался в окружающее пространство: Дед, как обычно, медитировал на своем любимом балконе, выходящем практически точно на юг. Мысленно поприветствовав Учителя, я кинул взгляд на часы и, быстренько переодевшись в ставшие давно привычными спортивные шорты и майку, снял с подставки мечи...

...Четыре прохода учебного комплекса «Полет Кленового листа» в максимальном для меня темпе неплохо подготовили организм к нагрузке, и к моменту, когда Мерион открыл глаза и, приветственно поклонившись, взял шест, я был практически готов ко всему... Правда, не в его исполнении...

Уворачиваться от двухметрового шеста в довольно-таки небольшой комнатке стандартной «двушки», да еще при этом выполнять тренировочные связки, выдуманные каким-то безумным гением-меченошей в темпе, который мог задать разве что только Дед – это что-то! А в течение четырех часов подряд – адский труд. Так что к семи часам вечера я напоминал себе собаку, отбитую перед употреблением в пищу в каком-нибудь хорошем корейском ресторане. Впрочем, за без малого семнадцать лет, прожитых практически под одной крышей с Мерионом, я этому уже не удивлялся. Привык. Поэтому, мельком глянув в зеркало, пережившее очередное побоище, и полюбовавшись на синяк, довольно резво вздувающийся у меня под левым глазом, и на четыре параллельных разрыва на майке, я, прихватив учебник по философии, подпрыгнул и повис на пальцах правой руки, зацепившись за заботливо прибитую для меня планочку.

Сорок минут относительного безделья надо было провести с толком...

– Уже не корова, но еще даже не обезьяна! – прокомментировал урок Учитель, усаживаясь в позу для медитаций, или в «лотос», – как ее называют на Земле, – и втыкая в уши наушники от MP3-плеера, к которому он пристрастился за последние два года. – А колена в переходе от «Журавля, клюющего рис» к «Свече на ветру» у тебя все равно пляшет! Я тебе его однажды отломаю...

Глава 4

...День не задался еще затемно: влажные руки отчима, скользнувшие под одеяло и прикоснувшиеся к моему бедру, практически мгновенно вырвали меня из сна.

– Убери руки, скотина! Ща как дам по голове! – зашипела я, нащупывая правой рукой скалку, как обычно, спрятанную с вечера под подушку.

– Ну чо ты, чо ты сразу за деревяшку хватаешься! – загундосило пьяное слюнявое создание с мокрым пятном на той тряпке, которую он называл рубашкой... – Я просто решил подоткнуть тебе одеяльце! Чтобы ты не замерзла, радость моя!

– Не входи ко мне никогда, сколько можно повторять? – рявкнула я и закусил губу: судя по звукам в соседней комнате, проснулась мама. Отпихнув отчима ногой в противоположный угол, я было повернулась спиной к двери и изобразила здоровый сон, но не тут-то было.

– Ну что, шалава, опять тебе нейметя? – От ее крика, как мне показалось, проснулся весь район. – Вырастила на свою голову! У родной матери мужика отбивает, потаскуха!!!

...Стараясь не слушать то, что несла мать, и стоически выдерживая сальные взгляды отчима, не отрывающегося от процесса моего одевания, я наскоро оделась, схватила сумку с учебниками и вынеслась на улицу, на ходу поправляя на себе одежду. Как ни странно, ставший обыденным предрассветный спектакль опять не вызвал во мне каких-нибудь особенных душевных страданий. Кроме

небольшого сожаления по поводу прерванного сна. За последние четыре года повторяющееся как минимум два-три в неделю шоу стало почти что родным и порядком набило оскомину. Однако репертуар домашнего театра меняться как-то не собирался...

Лениво спускаясь по лестнице, я догадалась посмотреть на часы и здорово загрузилась – идти к кому-то в половине пятого было, пожалуй, нереально. А мотаться по улице до начала лекций, то есть до половины девятого, довольно глупо. Поэтому, вздохнув, я поплелась в сторону ближайшего «Макдоналдса», решив посвятить неожиданно появившееся время подготовке к еще такой далекой зимней сессии...

– А ведь больше всего усилий для того, чтобы я стала отличницей, приложил все-таки именно Семеныч! – усмехнулась я пришедшей в головы мысли и толкнула рукой дверь в «Макдак»...

В зале, кроме одной отчаянно зевающей продавщицы, – или кассира? – и тощего, одетого в ту же гнусную униформу сотрудника «Макдоналдса», паренька лет пятнадцати, не было никого. Не обращая внимания на их заинтересованные взгляды, я взяла себе пирожок с вишней и стакан фанты, забилась в самый дальний угол зала и уткнулась в учебник. Однако погрызть гранит науки в это утро мне не удалось: буквально через пару минут входная дверь чуть не слетела с петель и в зал ввалились хозяева жизни – четверо коротко стриженных парней в кожаных куртках, с модными, туго набитыми барсетками в руках. Судя по выписываемым траекториям, все четверо были в порядочном подпитии...

– Эй, овца! – заорал один из них продавщице. – Мою тачку видишь? Быстренько метнулась к ней и залила водичку в бачок омывателя! Усекла, бля? Ну, что гляделки вытаращила? Бегом!!! А ты, пацан, пока проводи Коляна в туалет!

Я постаралась сделаться как можно незаметней и попыталась прикрыться сумочкой, однако благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад: случайно задетый локтем бумажный стакан перевернулся, и, чтобы не попасть под сладкий водопад, я рефлекторно отскочила, уронив стул, на котором сидела... Не повернуться на шум, естественно, компания не смогла.

– О, какие тут телки, братва!!! – заулыбался рыжий детина, почесывающий затылок мобильным телефоном. – С работы что ли, подруга? Или питаешься в перерыве?

– Че, с клиентами пролетела или как? И че мы тебя раньше не видели? – нахмурился его низенький, но выглядящий чрезвычайно опасным сосед... – Ты под кем ходишь, подруга?

– Я, вообще-то, студентка! – фыркнула я. – И просто готовлюсь к сессии...

Ресторан потряс гомерический хохот...

– Студентка!!! А я – Аменхотеп сорок второй! – потряс окружающих своими познаниями в истории Древнего Египта рыжий и направился в мою сторону. – Читаем? – Ух ты! Сопромат? Это как?

– Сопротивляется и матерится!!! – загоготал тот, который Колян, так и не дошедший до туалета. – А материться нехорошо! Вот задержим сейчас тебя за нарушение общественного порядка и отвезем в отделение, на субботник! Слышала о таком?

У меня потемнело в глазах, и сразу же начали мелко стучать зубы: если они – менты, то от них никак не отболтаешься! Сейчас попросят предъявить документы, потом заберут паспорт, к чему-нибудь придерутся и пиши пропало!

– Ну и откуда вы прибыли в Москву, гражданочка? – холодно посмотрел на меня низенький, и у меня создалось четкое ощущение, что он в уме что-то подсчитывает. Наверное, сумму, которую можно с меня содрать...

– Я москвичка в четвертом поколении! – усмехнулась я и, стараясь не показывать страха, уселась на соседний со своим, упавшим, стул. – И паспорт с пропиской имеется!

– Да ладно? – оскалился рыжий. – А материться то зачем было? Да еще в адрес доблестных сотрудников органов внутренних дел? Придется разбираться!

– Та-а-ак! – протянул Колян и сразу взял быка за рога. Или телку за задницу? – Паспорт сюда и марш в машину!!!

– Щазз!!! – скривилась я и закинула ногу на ногу, краем глаза косясь в сторону припаркованной за стеклом машины и нащупывая в сумочке мобильник. – Разбежалась! Бегу и плачу! Вы не в форме – раз, я не нарушала порядок – два, вы пьяны и мне несимпатичны – три! Свободны, как Африка!!! Алле, Танька! – заорала я в телефон, дождавшись писка соединения с абонентом. – Я в «Макдаке» около дома! А тут ко мне какие-то мужики клеятся! Ауди А-шесть, номер о-пятьсот семь-ло, девяносто седьмой регион!!! Папе сообщи!

Выбитый Рыжим телефон упал на пол и разлетелся на куски. Лицо тут же обожгло ударом, однако, как ни странно, дальнейшего продолжения не последовало.

– Надо же, какая умная девочка! – процедил коротышка. – Ладно, ладно! Мы с тобой еще пересечемся, сука! И посмотрим, насколько хватит тебе твоего умишка! Эй, ты там! Воду залила? Пошли, братва!!! Хрен с ней... пока... Пусть потрепыхается...

Не дожидаясь, пока закроются двери за последним из них, я встала и демонстративно, походкой «от бедра», пошла к прилавку, чтобы взять себе еще один стакан фанты взамен пролитого на пол...

Телефон реанимировать не удалось: любовно собранный и замотанный скотчем, он напрочь отказался включаться, что ввергло меня в пучину уныния: мой подарок «себе любимой» ко дню рождения прожил всего четыре месяца и бесславно почил в бозе от руки какого-то скота... И что самое обидное, денег на новый у меня не было. И в обозримом будущем не предвиделось: даже если отказаться от покупки косметики, значки хватит разве что на какое-нибудь старье... Без камеры и блютуса... Хотя, если подумать, на хрена они мне нужны? Одни сплошные понты...

В итоге в институт я приперлась раньше всех, прикупив по дороге дешевенький «Сименс», села за свой любимый стол у окна и занялась перестановкой сим-карты и настройкой всяких там параметров типа мелодии, вибрации и т. д.

- Добрый день! - Незнакомый голос заставил меня отвлечься от телефона и поднять голову.

- Привет! - выдавила из себя я и прыснула: рядом с моим столом стоял Папай с таким же, как у меня, синяком, только под правым глазом, и спокойно улыбался...

- Простите за бестактный вопрос! А что у вас с лицом? - спросил он, не отводя взгляда.

- Тушь потекла! А у вас? - вспыхнула я от злости, но тут же осеклась - он-то тут вроде бы был ни при чем... Впрочем, наличие такта я бы поприветствовала...

- А я не вписался в дверной проем! - усмехнулся он и добавил: - А замазать оказалось нечем! Вот и освещаю дорогу прохожим...

- А мне казалось, что я замазала... - неожиданно вырвалось у меня...

- Практически ничего не видно! - попытался успокоить меня Папай и поставил спортивную сумку на стул. - Просто я так неудачно хотел предложить вам помощь, если она, конечно, нужна...

- Помощь в чем?

- Я не думал, что тут принято бить женщин по лицу!

- Тут - это где? - снова вспыхнула я. - А у вас ТАМ не принято?

- Я оговорился! - Папай примирительно поднял ладони вверх, и я вдруг почувствовала, что снова замороженно смотрю на его предплечья... - Что-то не так с моими руками? - забеспокоился парень и поочередно посмотрел на свои локти, отчего мне поплохело еще больше: тугие шары бицепсов чуть не разорвали рукава его майки и вызвали где-то в глубине души странное томление...

- Садись рядом, прожектор! Будем светить на пару! - брякнула я и мысленно прикусила себе язык: такого нахальства я от себя не ожидала... - А где ты

видишь руки? Это у тебя или грабли, или лопаты, я еще не решила...

- Так мне садиться, или вы так меня тактично посылаете?

- Да вредничаю я! Потому что злая как собака! И давай на «ты» - одноклассники вроде! Маша! - представилась я и вопросительно уставилась на него.

- Приятно познакомиться! Олег. Корнев... - галантно ответил мне Папай...

Собеседником Олег оказался неплохим - уже через двадцать минут знакомства я хохотала на всю аудиторию, периодически вытирая слезы, и умудрилась забыть про утреннее происшествие. И даже квадратные от удивления глаза Татьяны, вошедшей в двери за две минуты до прихода лектора не заставили меня перестать истерически хихикать...

Он то нес совершеннейшую ахинею, то шепотом декламировал какие-то неизвестные мне басни, то кого-то передразнивал - а я тихо млела, и туго натянутая пружина, в которую превратилась моя душа за последние годы, тихонечко начала разжиматься...

Лекции пролетели, как в тумане. Даже эсэмэски от удивленной и где-то оскорбленной моим невниманием Татьяны не отвлекали меня от его завораживающего голоса и глаз. Я сошла с ума. И мне это нравилось! Поэтому я благосклонно согласилась на его предложение проводить меня до дому и доверила ему нести свою сумочку... Как ни странно, дорога через весь город субъективно заняла крайне мало времени: я толком не поняла, как мы так быстро добрались: ехали вроде как обычно, на метро, а потом на автобусе... Просто в какой-то момент я остановилась около подъезда и поняла, что дальше идти некуда... И не потому, что не хочется заходить в давно опостылевший дом, а просто трудно, даже невозможно сказать ему: «До свидания»... Однако всему хорошему приходит конец, причем, как ни странно, довольно быстро: буквально через десять минут сиденья на лавочке у подъезда Олег сказал, что ему пора... Слава богу, хоть вздохнул при этом...

Обычный вечер четверга, неспешная прогулка по Новому Арбату, желание вкусно поесть... Уютный полумрак ресторана «Тропикана» в казино «Арбат» в этот час оглашался звучными шлепками и тяжелым дыханием вымотанных поединком бойцов – два кикбоксера честно зарабатывали себе на хлеб с маслом, выкладываясь перед вальяжно развалившейся в плетеных креслах публикой... За невысокими, заставленными блюдами полинезийской кухни столиками не было ни одного свободного места – разгоряченные видом крови молодые девушки; тщедушного вида папины сынки, пытающиеся изобразить из себя светских львов; вымотанные тяжелым рабочим днем бизнесмены, торопливо накачивающиеся спиртным и поглядывающие на захватывающее дух действо одним глазом, – вся публика была едина в одном: зрелище стоило тех денег, которые были заплачены за входной билет... И лишь у него одного бой не вызывал никакого интереса – он отдавал предпочтение процессу питания – шипящая свинина со свежим перцем однозначно требовала к себе гораздо большего внимания, чем то, что изображали на сцене два довольно средненько, на его притязательный взгляд, подготовленных парня...

Такое пренебрежение к поединку вызвало неподдельный интерес у парочки респектабельных мужчин, сидящих за соседним столиком и за весь вечер практически не притронувшихся ко всем тем яствам, которыми был заставлен их столик. Негромко переговариваясь между собой, они периодически поглядывали в сторону седого, усатого старика в неплохом костюме, с удовольствием уминающего горячее, и вскоре не выдержали – один из них, явно старший по положению или званию, привстал со своего места и вполголоса произнес:

– Вы извините, что я мешаю вашему ужину, но меня очень заинтересовало ваше безразличие к происходящему на сцене. Вы знаете, в эти дни в клуб приходят любители единоборств, люди, в той или иной степени разбирающиеся в боевых искусствах, и бывшие спортсмены... Приходят для того, чтобы полюбоваться на довольно неплохих ребят, которые тут выступают. Я, например, пришел сюда по работе – мне нужно подобрать себе хорошего молодого паренька, способного при последующей огранке превратиться в грамотного, подготовленного и, главное, в верного только мне телохранителя... А вам, как мне кажется, до них просто нет никакого дела... Тогда что вас привлекло в этом клубе, если это, конечно, не секрет?

Оторвавшись от трапезы, Старик откинулся в кресле, тщательно прожевал и проглотил кусок мяса и только после этого, улыбнувшись одними глазами,

благожелательно ответил на заданные вопросы:

– Ну как вам сказать, милейший? Дело в том, что в «Тропикане» мне очень нравится именно кухня – я никогда не ел ничего вкуснее вот этого блюда: оно просто тает у меня во рту... А что касается бойцов, то, по моему разумению, они никуда не годятся!

– Как это? – удивился его собеседник. – А вы присмотритесь!

– А что тут присматриваться? Вон, посмотрите на того, что справа: он держит голову чуть повернутой в сторону, значит, не видит круговых ударов с другой стороны; вкладываясь в удар, он не доворачивает стопу, оставляя ее под большим углом к линии атаки, что физиологически не дает ему возможности вращать бедрами, а значит, и вложиться в удар... Арсенал атак, растяжка, скорость передвижения и реакции – да у него нет ничего, что бы позволило назвать его бойцом!

– Простите, вы – тренер?

– В какой-то мере! Кстати, не представился. Марк Иванович Тимофеев.

– Кириллов! Михаил Вениаминович! – представился его собеседник. – А это мой сотрудник, Семен Игоревич Приходько.

– Очень приятно! – церемонно склонил голову Тимофеев.

– Прошу прощения, а у вас есть талантливые ученики, Марк Иванович? Я бы мог, естественно, посмотрев на них, предложить им высокооплачиваемую работу...

– Ученик у меня один. Мой внук. Он студент. Учится на дневном... – гордо расправив широченные плечи, ответил Марк Иванович. – Я не знаю, как у него со свободным временем, но по сравнению с этими клоунами он просто мастер.

– Извините, а каким видом боевых искусств он у вас занимается? – поинтересовался внимательно прислушивающийся к разговору Приходько.

– Трудно сказать! – хмыкнул старик, попытавшись представить себе, на что похоже то, чему он учит мальчика. – Что-то вроде помеси годзюрю, кэмпо, кобудо и кэндо.

– Это контактный стиль? Он не боится бить в полную силу? – поморщился Кириллов, явно незнакомый с перечисленными стилями и не желающий вникать в тонкости и особенности каждого по отдельности или всех их вместе.

– Не боится. Ни бить, ни рубить, ни колоть... – От холодной, даже чересчур, улыбки обоим его собеседникам стало порядком не по себе... Чтобы заполнить неловкую паузу, Михаил Вениаминович глянул в сторону сцены, где на смену закончившим выступление бойцам выбежала новая пара, и поинтересовался:

– А как вам вот эти двое?

– Тот, что поздоровее – слишком тяжел. Много качается, мало двигается... Будет пытаться задавить массой... Второй – откровенно слабее, но бывший боксер, что-то вроде КМС – а значит, чувствует ринг и не даст загнать себя в угол... Нокаута не ждите – будет дурацкая беготня и бестолковые взаимные попытки хоть что-нибудь сделать!

– Вы это увидели за те несколько секунд, что прошли с начала боя, или вы их знаете? – поинтересовался Приходько.

– В первый раз вижу!

– Ладно, посмотрим... – удивленно сказал Кириллов, откидываясь в плетеном кресле...

Бой прошел, как и предсказывал Тимофеев, под знаком «беглеца» – мелкий носился по рингу, как бабочка, жая своего противника легкими и неакцентированными ударами рук, лишь иногда по необходимости изображая удары ногами. Толку эта тактика не приносила, как и все попытки здоровяка поймать своего оппонента на лоу-кик – удар голенью по бедру – или на тяжелый, но довольно медленный крюк в голову. И почему рефери отдал победу именно ему, не поняла ни публика, ни сами участники: перевес в одно очко можно было

присуждать и тому, и другому спортсмену...

После окончания боя Кириллов с гораздо большим интересом поглядел на соседа, вытащил из кармана визитку, протянул ее доедающему десерт Деду и с уважением в голосе произнес:

– Здесь мои мобильные и офисные телефоны. Перезвоните мне, как сможете, скажем, завтра! Приведите парня ко мне, я на него посмотрю и... подумаю, что бы я мог ему предложить...

– А у вас в офисе есть возможность проверить его бойцовские качества? – изумленно посмотрев на собеседника, хмыкнул Мерион.

– Н-нет! Я хотел просто на него глянуть...

– А смысл? Он же не фотомодель! На мой взгляд, какой-нибудь экзамен был бы для вас нагляднее...

– Серьезный экзамен? – недобро нахмурился Кириллов, несколько выведенный из себя таким пренебрежением к его мнению.

– Естественно! Он у меня не девочка, знает цену крови... И работа за копейки ему тоже не нужна – поверьте, мы не нуждаемся в деньгах... Так что любой уровень сложности, по вашему выбору!

– Что ж, как скажете! – хмыкнул Михаил Вениаминович, приподняв брови, глянул на своего подчиненного, бросил на стол две стодолларовые бумажки, убрал во внутренний карман пиджака бумажник и встал. – Приятно было познакомиться. Мы подумаем насчет экзамена и, когда вы нам перезвоните, сообщим, в чем он будет заключаться... Вы не против?

– Что вы! – спокойно улыбнулся Дед и, тоже встав, пожал протянутую ему руку. – Я тоже рад знакомству. До встречи, Михаил Вениаминович! До встречи, Семен Игоревич!

– До свидания! – потирая сплюснутую, словно тисками, руку, Приходько направился в сторону выхода вслед за своим шефом, стараясь успеть к двери

пораньше, чтобы отворить ее перед начальством...

Глава 6

...Теплое весеннее солнышко приятно согревало спину. Руки, стертые о камень стен обители в кровь, неприятно ныли. Предплечья, вздувшиеся от перенапряжения, готовы были разорвать ремешки тяжелых боевых наручей. Но улыбка то и дело возникала на моем лице последние минут десять, – с тех пор, как я обогнул дозорную башню и лез по последней стене Обители. Я успевал! Первый раз в жизни! Значит, сегодня наставник Мерион разрешит мне провести тренировочный бой с самим Самиром по прозвищу Каменный Цветок! Бой, о котором я мечтал весь последний год, с тех пор как этот боец постучал в наши ворота и навсегда затворил за собой дверь в окружающий мир. Легкость, с какой этот великан двигался по тренировочной площадке, работая двумя огромными палашами, то атакуя, то защищаясь от невидимого противника, просто поражала. Глядя на него, я не мог поверить, что ему уже пятьдесят два года и что он готовится к своему Последнему Бою! Казалось невероятным, что это – уставший от жизни старик. Однако факты – упрямая вещь, и я, заранее жалея о его уходе из жизни, мечтал хоть о самых мелких крупичках Знания из его рук.

Последние метры по стене я почти пролетел и соскочил к ногам Мериона Длинной Руки задолго до того, как в песочных часах, стоящих перед ним, упала последняя песчинка. Увернувшись от традиционного подзатыльника, я вытянулся перед ним в струнку и замер.

– Что ж, оболтус, сегодня ты, как ни странно, не грохнулся со стены, не тащился по ней, как одноногий таракан, и не обнимал дозорную башню подобно пылкому любовнику. Значит, можешь бежать к Самиру. Времени у тебя два часа. Правда, тебе стоит еще немного размяться, чтобы не ударить лицом в грязь! – Длинная Рука ухмыльнулся и продолжил: – Сбегай до водопада и обратно. Не забудь захватить обратно Госпожу Этель!

Я оторопел и тут же пропустил очередной подзатыльник, отправивший меня в короткий полет: дело в том, что пробежка к водопаду и обратно обычно занимала у меня около часа, а если вспомнить о Госпоже... Впрочем, время

останется все равно. Поэтому я вскочил на ноги, поклонился Наставнику и понесся вверх по тропе, забыв даже снять поножи и наручи.

Уворачиваясь от бегущих навстречу мне адептов Обители Последнего Пути, и особенно от их «шутливых» ударов, каждый из которых сшиб бы меня с тропы, я добежал до водопада и обмер: Госпожа Этель, бревно весом со взрослого мужчину, которое я каждое утро таскал то туда, то обратно, дожидалось меня не на привычном месте на берегу речки, а ехидно улыбалось нарисованной кем-то рожей на самом верху Клыка – скалы, с которой извергался радужный водяной поток! Не так высоко, как могло бы быть, но если Этель сбросить вниз в воду, то придется тащить ее мокрую, и мне явно мало не покажется. А если спускать на себе, то я не успею. Впрочем, пока я думал, руки и ноги, и так натруженные утренним лазанием, уже несли меня вверх. Искать зацепки и точки опоры на обыкновенной скале было гораздо легче, чем между плотно пригнанными блоками стен. Кроме того, в детстве Мерион начал гонять меня именно здесь...

...Отправив Госпожу в омут, я с гиканьем прыгнул вслед и, рухнув в воду рядом с ней, не дал течению заклинить ее где-нибудь между камнями. Мокрая Госпожа капризно выворачивалась из рук, но я ее быстро переупрямил и через миг бежал вниз по тропе, привычно наклоняясь на поворотах. И даже несколько довольно коварных ловушек, поставленных явно по приказу Деда, в которые, я, к счастью, не попал, не ухудшили моего настроения...

...Самир Каменный Цветок разминал руки и ноги об Элеонору – бревно с отростками (имитациями рук и ног), вертикально закрепленное на вращающейся оси. Элеонора жалобно скрипела от жутких ударов, вращалась то вправо, то влево, будто пытаясь от них увернуться. Но ее мучитель был неумолим. Я пару мгновений с завистью понаблюдал за мастером и, вспомнив, зачем я здесь, подошел и учтиво ему поклонился. Самир наградил бедное бревно очередным ударом ноги и повернулся ко мне:

– Ну посмотрим, что за доходягу прислал ко мне этот ворчливый старикашка? Бери-ка свои прутики и попробуй ими помахать.

«Прутики» – мои первые тренировочные мечи, тяжелые, как гири, были мне «на вырост», как выразился, выдавая их в позапрошлом году, Мерион. Первые пару месяцев я даже поднимал их с трудом. Однако понятие «гуманизм» было явно неизвестно толпе садистов, волею судьбы собравшихся за стенами этого замка,

и уже первой осенью я начал довольно уверенно выполнять первые упражнения. Поэтому сейчас я даже гордился, что с легкостью могу исполнить даже «Проход горносталя под бревном» или «Танец Белого Журавля».

Впрочем, особенно погордиться мне не удалось, так как Каменный Цветок, не дожидаясь моей готовности, взял свои палаши и закрутил упражнение под названием «Полет Красного Дракона». Я повторял, то и дело путаясь в ногах и руках, а один раз чуть не оттяпал себе ногу, пытаюсь в прыжке ударить в двух разных направлениях и при этом приземлиться на загибок с перекатом. Самир то и дело оглашал окрестности гулким хохотом, а после окончания последней связки рыкнул:

– Нет! На дракона ты не тянешь! Так, червячок какой-то!

Однако пообижаться всласть не получилось: все оставшееся занятие он планомерно избавлял меня от остатков гордости за какие-то прошлые мифические достижения. В итоге я окончательно почувствовал себя неучем и чуть не расплакался от счастья, когда он вдруг произнес:

– Что ж, для начала потянет. Жду тебя завтра на рассвете. Кстати, на завтра скалолазание отменяется. Мне не нужен ученик с трясущимися руками и ногами.

Я поклонился, автоматически уклонился от прощального пинка и радостно запрыгал к Элеоноре, чтобы отработать обязательную программу. До обеда оставалось уже не так много, и мой желудок уже властно требовал своего.

Проводив меня взглядом, Самир критически повздыхал и степенно удалился по направлению к Дому Совета. А я, молотя бревно, мечтал, что когда-нибудь стану таким же уверенным в себе бойцом с исчерченными старыми шрамами руками и лицом. И даже получу какое-нибудь прозвище, которое будет вселять страх в моих врагов. И удары, получаемые бревном, явно несли в себе отголосок моих сокровенных мыслей...

Мои грезы наяву прервал окрик Мериона:

– Эй, бездельник! Ты что там, заснул, что ли? Это что, удары? Ты что, ее ласкаешь? – Он приближался своей мягкой скользящей поступью и угрожающе помахивал посохом, не одну сотню раз пересчитавшим мои ребра.

Я смахнул пот с лица и с удвоенной силой начал вкладываться в каждое движение, то раскручивая Элеонору блоками, то останавливая ударами. Однако что-то, видимо, не удовлетворило Наставника, и он недовольно пробурчал:

- На сегодня хватит! Марш мыться и чтоб через четверть был у меня!

Как ни странно, но обязательного подзатыльника не последовало, что меня слегка испугало: а вдруг Самир отказался меня учить?

Однако мои опасения оказались напрасными: праздник продолжался: Длинная Рука решил, что мне пора иметь собственные мечи. Настоящие! По моей руке! Я чуть не запрыгал на месте от радости. Но наставник укоризненно посмотрел на меня, и выглянувшая было на лице улыбка мгновенно спряталась обратно. Я степенно встал и последовал за Мерионом в оружейную.

Наставник распахнул дверь, и я застыл на месте: столько оружия вместе я не мог себе представить и в самых смелых мечтах. Оно было везде: на специальных стеллажах, на столах, в сундуках. Всех форм и размеров. И все просто отличного качества и заточки – уж в этом я разобрался благодаря Наставнику и адептам: за последние пять лет я перечистил, переполировал и переточил небольшую гору всякого железа...

... – Выбирай, что понравится! – приказал Мерион и уселся на тяжелый табурет в углу комнаты. – У тебя есть время до часа Быка. А я посмотрю на твой выбор! – усмехнулся он в усы.

Увы, уже через четверть я понял, что выбор будет трудным: мечей по руке было не меньше сотни. Я по очереди доставал их из ножен, проверял качество заточки, прикидывал баланс, покрутив им в воздухе, примерял к правой, потом левой руке. В итоге мне больше всего понравился клинок с полуторной рукоятью, с головой сокола вместо навершия, в довольно невзрачных ножнах, валявшийся в углу в груде ржавого, нечищеного оружия. Он, конечно, был недостаточно ухожен, но его баланс меня просто поразил. А со вторым мечом у меня вышла проблема: при том выборе, что был в оружейной, мне больше ничего не понравилось!

Решившись, я повернулся к наставнику и, покраснев от наглости, почти прошептал:

– Вот этот клинок, как мне кажется, по мне... А второго я не нашел!

Мерион захохотал, тут же оказался около меня и одобрительно хлопнул меня по плечу:

– А ты парень не промах! Впрочем, где-то наполовину! – добавил он и подошел к стене, на которой висело оружие в богато украшенных ножнах стоимостью в табун лошадей каждое. – А что эти не проверил?

Он снял один из самых усыпанных драгоценностями клинков и протянул его мне:

– Может, этот подойдет?

Я протянул руку за мечом и робко взялся за ножны. Таким мечом достоин владеть какой-нибудь барон или даже сам король, а не пятнадцатилетний мальчишка без роду и племени! Мои сомнения, видимо, ясно читались по моему лицу, раз Мерион, давясь от хохота, добавил:

– Да ты не смотри на эти никчемные побрякушки! Ножны мы оставим тут, а к этому клинку подберем другие! Ты не стесняйся, не девочка!

После этого замечания всю мою скромность как ветром сдуло, и через пару минут я гордо вышел из оружейки, прижав к груди свое оружие и зажав под мышкой перевязь для ношения клинков за спиной, которую надо было подогнать по себе.

Как ни странно, клинки оказались чем-то похожи друг на друга: навершие второго клинка тоже было выполнено в форме головы сокола, зажавшей в клюве кроваво-красный камень...

Попрощавшись с наставником, я степенно завернул за ближайший угол, и, уже не скрывая радости, понесся домой, – благо на сегодня Мерион освободил меня от вечерней тренировки.

Подбегая к дому, я услышал жуткий грохот в нашей комнатке и, выхватив мечи, ворвался внутрь. Увы, погеройствовать не получилось. Никаких чудищ или разбойников в комнате не оказалось. Вернее, было одно чудище, но маленькое, тощенькое и слабенькое. По кличке Хвостик. В общем, моя беспутная сестра, стоящая по колено в нехитрой домашней утвари, которой мы обзавелись за время жизни в Обители, и в обломках единственного шкафа, который еще недавно украшал нашу комнату.

– Я тут немного тренировалась, – пробормотала она, пытаясь спрятать за спину ржавую кочергу, видимо, используемую в качестве воображаемого оружия. – И сейчас все уберу!

Впрочем, от легкого подзатыльника класса «Мотылек», как его называл Наставник, она увернуться не смогла и живописно украсила собой гору вещей и обломков.

– Ой! А у тебя боевые клинки! – взвизгнула она, по-моему, еще на лету. – Дай посмотреть, а?

Мой гнев тут же испарился, стоило мне вспомнить, что у меня появились Они! Я царственно посмотрел на нее, немного подумал и согласился:

– Уберешь здесь как следует и посмотришь. А пока – за дело!

Довольно сопя носом, Беата завертелась по комнате, с немыслимой скоростью разбирая завал и одновременно рассказывая мне все то, что успела увидеть и сделать за неполные полдня, прошедшие без меня. Я рассеянно слушал ее привычную болтовню, правя и полируя мое оружие, ибо какой настоящий воин (а кто я теперь с таким оружием?) оставит клинок в таком состоянии, в каком он сейчас?

За неполный час я узнал столько новостей, сколько не услышал бы в праздничный день на базаре в Аниоре. О новом караване, прибывшем в город из далекого княжества Риоку; о новых ценах на сладости; о связи графини Оттской со своим пажом и другую тому подобную дребедень. Впрочем, пара известий меня не только заинтересовала, но и немного расстроила: вопреки ожиданиям Мериона и всех адептов, из княжества в Обитель с попутным караваном не

пришло ни одного нового бойца. И из Лотского герцогства, лежащего на его пути, – тоже. Кроме того, Орден Алого Топора, судя по слухам, покорил еще четыре города-государства на побережье Желтого моря. Аппетиты Ордена пугали даже Наставника: по его мнению, полчища воинствующих фанатиков вскоре должны были добраться и до Аниора. Мне в это верилось слабо, так как до границ Империи Ордена было около полутора месяцев пути, но с Мерионом соглашались и другие бывалые воины, и поэтому я слегка расстроился. Однако стоило Беате закончить уборку и умоляющим взглядом уставиться на мои мечи, как я забыл про все плохие новости и принялся демонстрировать ей все то, что запомнил из урока Самира. Естественно, во дворе: еще одного разгрома наша комнатка не перенесла бы. Часа через два, когда окончательно стемнело, я вспомнил про то, что не ел целый день, подарил свое старое оружие восхищенной девчонке и, прихватив из дому чугунок с давно остывшей картошкой, краюху хлеба и ложку, уселся на завалинке и внимательно смотрел, как сестричка рубит «прутиками» воздух. Откровенно говоря, получалось у нее неплохо: не зря же она все свободное время носилась следом за мной, повторяя все мои движения. Мерион, первое время то и дело отгонявший ее подальше, в итоге решил не тратить свой пыл зря и не связываться с полоумной девицей. И окрестил ее Хвостиком...

Доев обед с ужином, я с трудом разогнул натруженные ноги и, отобрав у Беаты мечи, решил сбегать к Элли. Беата, смешно сморщив носик, после долгих уговоров соизволила остаться дома, выцыганив при этом право иногда разглядывать мое оружие. Дернув ее для порядка за косичку, я рванул с места и бегом понесся по направлению к Аниору: получасовая пробежка налегке в каждый конец уже давно не вызывала у меня особых эмоций.

Элли ждала меня у северных ворот города, привычно отбалтываясь от попыток караульных подбить к ней клинья.

– Ну что? Говорила, что придет? Это вы тут боитесь от города отойти на лишнюю пару шагов даже днем! А про ночь я вообще не говорю! Вояки! И зачем вам столько железа? Коров пугать? Так им все равно – копьё или хворостинка!

– Расслабьтесь! – встрял в перепалку и я, чмокнув девушку в подставленную щечку. – Пока я до вас добирался, не встретил ни одной коровы! Так что шлемы можете снять! И латы – тоже!

– Иди, иди, без твоих советов разберемся! – ухмыляясь, пробурчал Крон, заступивший начальником караула. – Не забудь, что к часу Кабана ворота будут закрыты! А опоздаешь к Наставнику – тебе не поздоровится! Руки у него длинные и тяжелые! Впрочем, тебе ли не знать?

– Побежали! – Элли вцепилась мне в руку и поволокла за собой в город под добродушный смех солдат. – А то времени осталось и вправду очень мало...

...Мы здорово погуляли по кривым, но довольно чистым улочкам торгового квартала, заглядывая в еще открытые лавки, чтобы посмотреть на всякие редкости, которые привезли сегодняшним караваном. Я купил девушке немного сладостей, проводил ее до дому, заработав еще один поцелуй в щеку, потом еле успел к воротам до их закрытия на ночь и уже при свете звезд добрался до Обители.

Глава 7

Дед явился домой в третьем часу ночи – я уже заканчивал обязательную растяжку и, сидя в поперечном «шпагате», читал Гарднера. Наставник, разувшись, ввалился в гостиную и, быстренько переодевшись в домашнее, завалился на диван. Однако, против обыкновения, телевизор остался проигнорированным – Мерион явно был чем-то взволнован, хотя по его лицу этого было не определить. Заинтригованно отложив детектив в сторону, я вопросительно уставился Деду в глаза. Но молчал: давал возможность обдумать будущий рассказ. Наконец Дед созрел и, закинув ноги на пододвинутый стул, он вдруг ехидно улыбнулся и принялся за рассказ...

Уже с первых предложений я понял, что бесконечное пребывание в этом, пусть и гостеприимном, но порядком поднадоевшем городе подходит к логическому концу: как и обещал Хранитель, «Пророчество себя проявит». Правда, я не совсем понял, с чего Учитель взял, что именно это предложение работы и есть то самое «начало», с чего должен был начаться мой «Путь», но понадеялся на его интуицию – она его, к счастью, не подводила никогда. Оставалось дожидаться этого самого «экзамена», – быть может, тогда станут понятны те самые строки, в которых, по нашему мнению, и содержался намек на возвращение:

Пути начало – свист клинка... Пять тел... Вокруг – домов ущелья... Из неумелого щенка ОН вырос... И, проверен в деле, встает за Первого спиной, чтоб Жизнь сберечь, Великий Воин... Чтоб вскоре этот Мир иной покинуть с теми, кто Достоин...

Естественно, Наставник еще разок прошелся по словосочетанию «неумелый щенок», так задевавшему меня с первого прочтения Пророчества, потом сообщил, что на «Великого» я пока не тяну, но в общем, как ему кажется, время уже пришло...

Особых причин не соглашаться у меня не было, поэтому, чтобы не нарываться на его очередные шуточки, я свалил принимать душ...

...Встретив Машку около метро, я закинул ее сумочку за плечо и неторопливо двинулся рядом – до лекций оставалось еще полчаса, и у нас было время, чтобы пообщаться... Уже на подходе к институту нас догнал Валерик по кличке Пузырек – одна из главных достопримечательностей группы – здоровенный, весом килограммов за сто тридцать парень, весьма гордый своим раскаченным на «химии» телом, и попытался надо мной подшутить. В своем непередаваемом стиле: догнав меня практически на цыпочках, он от всей души размахнулся и попытался было огреть меня портфелем с учебниками. По спине. Но, как ни странно, опять не попал, а, потеряв равновесие, упал на колени. Вид стоящего на четвереньках парня вызвал в Маше приступ истерического хохота: за последнюю неделю это была уже четвертая подобная попытка с одинаковым результатом, и не посмеяться над маниакальным упорством одноклассника у нее еще ни разу не получалось...

Подав руку незадачливому шутнику, я, как обычно, помог ему встать. Хмуро растирая пожатую мною лапу, Валерик поздоровался с Машей и заинтересованно буркнул:

– Ты ведь не видел меня, правда? Я тебя первый заметил! Как ты среагировал?

Говорить ему, что я почувствовал его внимание еще стоя у метро, я не стал, поэтому пришлось выдать версию, которую он был в состоянии принять:

- Видел! Ты прятался за ларьком «Крошки-Картошки»! Поэтому я и успел!

- У-у-у, черт глазастый! – расстроился Пузырек. – А я-то, лох, надеялся, что сегодня получится... А как ты предплечья качаешь? – завел он свою любимую тему, не замечая того, что я, собственно, не один. – А что колешь?

- Да не колюсь я, не колюсь!

- Не гони! Я-то в этом волоку, как никто другой... – Возбужденно блестящие глаза записного качка прикипели к моей фигуре, и я почувствовал себя не в своей тарелке. – На «Синтол» не похоже... «Андриол»? Вроде тоже нет... «Сустанол»? Кстати, а сколько ты жмешь лежа?

- Не пробовал! – хмыкнул я, вслед за Машей ускоряя шаг. – Валерик! Давай перетрем эту тему позже – я не готов к семинару, а времени осталось мало...

- Блин! Да ну его, этот семинар... – расстроился он. – Может, задвинем его на фиг?

- Неа! Я иду на «автомат» – хочу свалить на каникулах отдохнуть, и чем меньше у меня будет экзаменов, тем раньше я смогу уехать!

Понимающе хмыкнув и отстав от меня, Пузырек направился в сторону каких-то знакомых, а я был вынужден отбиваться от расстроенной моим объяснением Маши:

- Да куда я еще не собрался! Просто ляпнул, чтобы он отстал!

- Еще не собрался? – подозрительно прищурившись, продолжала допрос Логинова. – А когда определишься?

- Ну, Машутка, ну перестань! Я оговорился!

- Не верю! – надулась она. – Не верю и все!

- Без тебя – куда! – пообещал я. – Обещаю!

– Ого! Какое смелое заявление! – Машку переключило на привычный язвительный лад. – А что это так? У вас, молодой человек, какие-то планы относительно моей персоны?

– Ага! И весьма серьезные! – состроив задумчивую физиономию, сказал я. – После лекций проводить тебя домой!

– А потом как же? Ты же обещал, что без меня – никуда?

Чертики в ее глазах так и подмывали что-нибудь ляпнуть, но я сдержался:

– А у меня есть ты. В кармане! – продемонстрировав ее фото, экспроприированное с доски почета на кафедре мехмата, я пропустил Машу вперед и вслед за ней оказался в первом корпусе.

– Выкрутился, гад! Кстати, а что ты сегодня делаешь после лекций?

– Еще не знаю... – пожав плечами, я перебрал обдуманные с вечера варианты и, выбрав наиболее интересный, продолжил: – Хотел пригласить тебя пообедать...

– Куда? – заинтересованно спросила Маша, а потом вдруг сникла...

– Как ты относишься к японской кухне?

– Она дорогая! Поэтому не пробовала!

– Не ершись! – Услышав в ее голосе плохо скрываемый вызов, я попытался ее успокоить. – Пойдем в «Саппоро»! Угощаю!

– Олег! Знаешь, спасибо тебе, конечно, но я не могу тебе этого позволить... Ты – студент. Не сын миллионера. И не любовник его дочери, насколько я знаю... С чего тебе шиковать?

– Маш! Ну не говори ерунды, а? Дед зарабатывает так, что я могу себе позволить питаться в любом ресторане три раза в день...

– Что-то по тебе не видно! – ехидно прошлась по моему гардеробу она. – А где часы от Пиаже? Или костюм от Хьюго Босса, как минимум? Знаешь, я с тобой встречаюсь именно потому, что мне с тобой легко и интересно. Не нужно пытаться пустить мне пыль в глаза, ладно? Мне и без этого хорошо! А если бы мне хотелось денег, то спала бы, например, с Вагановым! Вон он, кстати!

Посмотрев в направлении ее взгляда, я заметил невысокого, порядком кривоногого армянина из параллельной группы, стоящего возле завкафедры и высокомерно поглядывающего на проходящих мимо студентов. Дорогой костюм, ботинки, часы, «Мерседес» Е-класса на стоянке возле корпуса; охранник, сопровождающий его на лекции и домой; вьющиеся рядом красивые девицы, чувствующие запах больших денег, делали его похожим на какого-то восточного набоба. Сынок какого-то успешного бизнесмена, он чувствовал себя в институте белой костью: учил только то, что хотел, получал оценки только «автоматом», сидел за столом один или в компании с очередной пассией, посещал лекции тогда, когда хотел. Деньги, передаваемые его охранником непонятливому преподавателю, обычно сразу расставляли все точки над «и» и снимали все возникающие у него проблемы.

– А что, он к тебе подкатывал? – поинтересовался я.

– Последний раз на той неделе. Предлагал прокатиться на дачу. С ночевкой... «Дам павадыть хороший машина!» – передразнила его Маша. – Нужна мне его машина! Так же, как и он сам...

– Понятно! – обрадовался я. – И все-таки, давай сходим в «Саппоро», а? Я и правда могу себе это позволить. Иногда. И очень хочу, чтобы компанию мне составила именно ты...

– Я подумаю! – Маша, приоткрыв дверь в аудиторию, тут же замахала рукой: – Привет, Танька! Как дела?

...Смеркалось... Где-то в городе уже час как закончился рабочий день, а здесь, в спальном районе, только-только начали появляться пока мелкие, но уже нервно мечущиеся между остановками, магазинами и подъездами стайки людей, мечтающих после тяжелого рабочего дня наконец завалиться на диваны и включить телевизоры... Останавливающиеся на миг автобусы и маршрутные такси выплескивали из своего нутра озверевших от давки пассажиров и с ревом клаксонов втискивались во все увеличивающийся поток автомобилей... В домах зажигались россыпи окон, а во дворах стоял сплошной многоголосый ор: вырвавшиеся на свободу дети стремились быстренько восполнить недостаток движения в школах и детских садах... Жизнь была ключом... Кого куда... И как...

Вот, например, двух водопроводчиков, с утра ковыряющихся в открытом люке прямо на проезжей части напротив подъезда дома номер восемь, она явно не жаловала: судя по перепачканным спецовкам, звяканью ключей и многоэтажному мату, их дело идти на лад явно не собиралось. Видимо, поэтому то один, то другой, вытирая пот с лиц, не обезображенных присутствием интеллекта, мрачно закуривали сигарету и, с завистью поглядывая на проходящих счастливых, уже завершивших свой рабочий день, тяжело вздыхали... Один из них, здоровенный детина с трехдневной щетиной на скуластом, будто вырубленном топором лице периодически сверялся с каким-то планом, что-то зачеркивая или, наоборот, вписывая. И при этом смачно крыл на чем свет стоит и прораба, и тех, кто прорыл эти чертовы коммуникации, и свое счастье, сподобившее его не вовремя попасться на глаза начальству... В какой-то момент он, видимо, отчаявшийся справиться с проблемой, даже сорвал с головы вязаную шапочку и в сердцах бросил ее на землю... А поразмыслив минутку, вздохнул, плюхнулся на нее, вытащил из бездонного внутреннего кармана пару бутылок пива и объявил перекур...

Его напарник, тщедушный незаметный человечек непонятного возраста, тут же, как чертик из табакерки, выскочил из темного, вонючего колодца и, выключив фонарик, смачно плюнул куда-то в направлении припаркованного у обочины дорогущего джипа... А потом, лениво оглянувшись по сторонам, взял из рук напарника открытую бутылку и, не отрываясь, высосал ее до дна...

В это время из подъезда напротив вывалилась довольно колоритная компания: четыре здоровенных парня, метра под два ростом, в спортивных костюмах и почему-то в плащах, порядком поддтая девица с потрепанным лицом, виснувшая на шее у жилистого, какого-то дерганого мужчины лет сорока в темно-синем костюме и с дипломатом в руке. Дипломат постоянно оказывался где-то под

телом изливающей свои чувства размалеванной красотки, а его хозяин то и дело морщился, стараясь не дышать исходящим от нее перегаром. Сделав буквально несколько шагов по тротуару, хозяин дипломата неожиданно остановился, посмотрел на часы и резко дернул головой... Повинуясь короткому, почти незаметному со стороны жесту, «спортсмены» разошлись в стороны, растворившись в кустарнике у торца дома, причем правый, довольно бесцеремонно схватив спутницу за волосы, уволок ее с собой... «Тренер» прошел еще метров пятьдесят, еще раз посмотрел на часы, нервно дернул плечом и, остановившись, оглянулся по сторонам. Однако не обнаружив искомого, скривился и, сделав пару шагов в сторону, оперся на мачту уличного освещения... Минут десять-пятнадцать он нервничал, постукивая свободной ладонью по бедру, а потом, видимо, заметив тех, кого ждал, весь как-то подтянулся и напрягся: к нему навстречу шла парочка ничем не примечательных прохожих, мало чем отличавшихся от десятков или сотен других, движущихся по тротуару рядом с ними. Ну, быть может, молодой парень был несколько крупноват для обычного прохожего, а его спутник слишком уж легко передвигался для человека, давно перешагнувшего пятидесятилетний рубеж...

Дождавшись, пока эти двое поравняются с ним, седой что-то спросил у парня и, видимо, получив утвердительный ответ, отдал ему свою ношу. Юноша коротко кивнул, развернулся и, помахивая дипломатом, вслед за своим старшим товарищем пошел в обратную сторону... Седой мрачно посмотрел им вслед, достал из поясного чехла мобильный телефон и, набрав какой-то номер, буркнул в трубку несколько фраз. Затем убрал его обратно и, то и дело оглядываясь по сторонам и прячась в тени деревьев, направился следом за ничего не подозревающими мужчинами...

Стоило им отойти от дома шагов на двадцать, как зашевелились и работяги: следом за ними, взвалив на плечо кусок грязной трубы и перевесив через плечо матерчатую сумку с инструментами, лениво поплелся один из двух водопроводчиков... Второй, допив пиво, влез в колодец по пояс, вытащил оттуда какие-то провода и, присобачив к ним телефонную трубку и какой-то прибор, занялся своим делом, словно забыв и про напарника, и про заинтересовавших их людей... Отвлёкся он от работы только через час, когда вернувшийся обратно товарищ, уронив на землю свою ношу, практически рухнул рядом и громким шепотом произнес:

- Ты охренеешь! Это надо было видеть! Пять трупов за шесть секунд!!! Он - мясник! Нет, что-то вроде помеси бензопилы и танка!!! Давай связь! Срочно! -

потом подумал немного и добавил: – А может, это кто-то из «соседей»?

– Так, подожди пороть горячку! – Мелкий работяга, отложив в сторону пучок разноцветных проводов, повернулся к коллеге и потянулся к брошенной трубе: – Ты о чем? Что-нибудь заснял? – и, увидев утвердительный жест, вцепился в нее двумя руками. – Я посмотрю, а ты пока расскажи, и желательно по порядку!

– Чего тут рассказывать, Мишаня! Шел себе этот парниша с дедком и дипломатом, ну который ему Пика отдал, а в проходном дворе у продуктового этого, как его, Армена, Пикины пацаны нарисовались. Двое – с бейсбольными битами, один – со стволом, один – с ножом. И потребовали у него этот самый портфель... А потом Леха Анабол попытался ударить парнишу стилетом... Дальше смотри сам! – Рассказчик со вздохом потянулся к трубе и попытался рассмотреть что-то, скрытое в ее глубине, но не смог и тяжело вздохнул: – Я в том году видел, как работает Сеня Сафронов из первого отдела... Так вот, Сеня по сравнению с этим пацаном – сосунок! Меня до сих пор мутит, Евгенийч!

– Так, не гундось... оп-па, пошла картинка... Ого!!! – «Водопроводчик» оторвался от «трубы» и ошеломленно посмотрел на коллегу: – Это точно «сосед»! Звоним в контору! Пусть присылают машину... нам тут делать больше нечего... да и доложиться не мешает...

Потом подумал немного, снова заглянул в трубу и ошарашено буркнул:

– В натуре, мне бы так двигаться – я бы не обломался!

...– Говоришь, перехват руки, удар зажатым в ней ножом Башне в горло, возврат через трахею Анабола, уход от биты Пескаря под руку с ударом клинком под основание черепа, два удара – в горло и сердце – Вездеходу и бросок тем же самым клинком в горло Пике... Так? А откуда взялись дырки в сердце у Анабола, Башни и Пескаря, а у последнего еще и разможенная плюсна? Что ты молчишь? Как все это можно уместить в эти несколько секунд? Как?! Ты фильм смотрел?

– Да, товарищ полковник! Смотрел! Покадрово! Раз десять! Так двигаться невозможно – я двадцать пять лет отдал этому делу, шеф! И понимаю, что это – фантастика...

– Фантастика, говоришь? – задумался хозяин кабинета. – Тогда я хочу, чтобы эта фантастика либо работала на нас, либо заняла свое место на кладбище: мне такие сюрпризы на фиг не нужны. Тебе понятно, Гришанин?

– Так точно, товарищ полковник! Мы его найдем!

– Только поаккуратнее там, – сначала проверьте, не «сосед» ли он, или, может, вообще засланец... Ну не мне тебя учить, майор! Ладно, оставь запись мне, а сам можешь идти... Я пока покумекаю...

Глава 9

Самир явился на тренировочную площадку чуть позже меня, и следующие шесть часов слились для меня в непрерывную череду блоков, ударов и падений: не отвлекаясь на мелочи типа отработки отдельных комбинаций или атак, он решил погонять меня в учебном поединке. Правда, чем поединок учебный отличается от реального боя, я понял не сразу. Боевое оружие, реальный темп, полноценное вкладывание массы в каждый удар, жесточайшие подсечки, удары ногами, куча всяких финтов и обманных движений не оставляли мне ни единого шанса на ошибку. И я выкладывался как мог, уворачиваясь в основном за счет скорости и быстроты передвижений. Только пропустив несколько атак, я оценил его контроль над оружием: лезвия мечей останавливались у моей шеи или других уязвимых точек практически вплотную. Однако к исходу тренировки, несмотря на крайнюю усталость, я начал приспособливаться под его стиль ведения боя и пропускал удары гораздо реже, особенно ног и правого меча. А вот с левым мне было сложно: казалось, что он двигался вопреки всему тому, чему меня учил Наставник. Меч жил своей жизнью, ставя меня в дурацкое положение каждые несколько минут. Впрочем, я был счастлив: Самир не прекратил тренировку в самом ее начале, а значит, какой-нибудь толк из меня будет...

И действительно, когда он опустил мечи и, прищурившись, посмотрел на меня, я был еще жив и вполне способен двигаться.

– По-моему, сил у тебя еще хватает!

Я гордо расправил плечи и утвердительно кивнул.

– Тогда марш к Мериону! Скажи, что сегодня сдал экзамен в категории «задохлик».

...Услышав мое заявление, Длинная Рука довольно отвесил мне подзатыльник и, промахнувшись, пояснил:

– У Самира есть десяток категорий для учеников. От «червячка» до «оглоеда». «Задохлик» – где-то середина пути. Для второй тренировки просто отлично! А теперь беги, поешь и... к Элеоноре: до вечера еще далеко. И не забудь проработать те связки, которые помогали тебе уворачиваться от Самира: завтра он не будет таким добреньким! Вспомнив сегодняшнюю «доброту» Каменного Цветка, я мысленно ужаснулся и, выскочив из избы Наставника, рванул домой. Кушать...

Беата, как всегда, была в своем амплуа: налив мне полную миску похлебки и положив рядом шмат мяса и краюху хлеба, она выклянчила у меня мечи и пыталась выкрутить что-то совершенно невообразимое, видимо, подсмотренное у кого-то из старших. Я с интересом наблюдал за ее метаниями по избе, уминая обед за обе щеки – в ее движениях иногда можно было подчерпнуть много чего интересного: подглядывать за тренирующимися мастерами времени у меня не было. А так хотелось: у каждого из них были какие-то особые, коронные удары, какие-то секретные связки, и подглядеть все было просто невозможно... А она – умудрялась!

Уничтожив еще порцию добавки, я отобрал оружие у обиженно нахмурившейся девчонки, похвалил ее стряпню и, потрепав ее по голове, выбежал на улицу: отдых можно было посвятить этому самому подглядыванию...

Час льва прошел довольно быстро: пока старшие воины работали в парах, я зверски издевался над несчастным бревном, отрабатывая до автоматизма каждое пригодившееся мне сегодня движение. Потом адепты пошли к тренажерам, причем всем им места, естественно, не хватило, и поэтому, уступив Элеонору Дику, я перебрался на площадку, чтобы заняться отработкой того, что успел подсмотреть у Самира. Чуть позже я немного помахал «прутиками» Дика, которые были раза в три тяжелее моих, и к ужину измучил свое тело так, что еле

доплелся до дома.

...Следующие два месяца пролетели как один день: Самир и Мерион взяли за мое воспитание крайне добросовестно, и за все это время я лишь раза четыре смог навестить Элли: даже мысль о том, что надо пробежать лишних два поприща, вызывала во мне панический ужас. Правда, девушка по выходным приходила ко мне сама и сидела на краю площадки вместе с Беатой, пока меня, сменяясь каждые десять минут, доводили до полного изнеможения выбранные Мерионом или Самиром бойцы Обители, но зато после я просто блаженствовал: не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, я валялся на травке, пока Элли теребила мою отросшую шевелюру своими мягкими ладошками.

Остальные адепты тоже не бездельничали: до дня Прихода Врат оставалось меньше месяца, и они тренировались не менее исступленно, чем я. Наставник с каждым днем все больше и больше мрачнел, так как с четырьмя пришедшими в город караванами в Обитель пришел всего один новый боец. Вместе с воспитанниками Мериона против Легиона Тьмы готовы были выйти лишь четырнадцать человек. Против сорока двух в прошлые Циклы. И надежда на то, что Легион Тьмы будет остановлен и на этот раз, таяла с каждым днем. Наконец, за двадцать дней до дня Прихода, Мерион собрал все мужское население Обители в Доме Совета, и в полнейшей тишине произнес:

– Друзья мои! Как вы знаете, тридцать семь циклов назад в первый раз распахнулись Врата, и на Последнюю Тропу хлынул Легион Тьмы. Увы, никто тогда не знал, что за страшный враг пришел в наш мир. Только ценой сорока тысяч жизней и благодаря усилиям двенадцати государств потомки Тварей были уничтожены. Но через семь лет Врата снова распахнули свой зев, и новые полчища воинов Тьмы вступили на нашу многострадальную землю. К счастью, их появление было замечено, и врага остановили до того, как их самки начали метать икринки. Но все равно война унесла тысячи жизней отважнейших сынов своих народов. С тех пор мы научились бороться с этими Тварями, отбили у них достаточно Черных Клинков, чтобы вооружить ими сорок два человека, и за последние восемь циклов ни разу не теряли больше двадцати бойцов. Все это благодаря тому, что сто семьдесят пять лет назад король Аниора построил Обитель Последнего Пути. За год до Прихода Врат каждое из союза двенадцати государств присылает по пять лучших воинов, из которых мы выбираем сорок два человека, которые и защищают Элион от Врага. Те восемь часов, которые надо продержаться на Последней Тропе этим храбрецам от открытия и до

закрытия врат, – единственный шанс на победу, а значит, и Жизнь. Нам всем повезло: ширина Последней Тропы, как вы знаете, не позволяет одновременно сражаться более чем трем-четырем Тварям одновременно. Именно поэтому мы можем обороняться таким малым числом бойцов... Ведь стоит Тварям добраться до леса, и через два месяца их число удесятится! Но в этом году в Обители собралось лишь двенадцать человек... Плюс я и Однорукий Рив! Этого не хватит даже на три полноценные смены для боя на Последней Тропе. А значит, шансов на победу у нас почти нет. Причину этого вы, наверное, знаете: Империя Ордена Алого Топора поглотила уже четыре из двенадцати государств союза, и ее аппетит на этом не иссяк. Поэтому остальные, готовясь к большой войне, не желают жертвовать даже пятью отличными воинами. Что ж, судить их мы не имеем права...

Король Оррсон предложил мне двадцать лучших воинов своей гвардии... Но, на мой взгляд, они не готовы... Брать их с собой – значит обрекать на верную смерть... Я им, кстати, так и сказал. Но двенадцать храбрецов все равно настояли на своем решении, и с завтрашнего дня присоединятся к вам. Прошу отнестись к их подготовке как можно внимательнее, так как от этого будет зависеть и ваша жизнь...

Вот и все, что я хотел вам сказать. Мне очень жаль, но большего нам не дано... За два дня перед Приходом Врат все ваши родные должны быть отправлены в Аниор: для них там уже строят дома. Первая пятерка под руководством Однорукого вывозит все наше оружие в хранилище в Зброшенном ущелье. Туда же отвезете и казну обители. Вторая пятерка под руководством Самира займется новичками. Вопросы?

В зале Совета раздался приглушенный ропот.

– Наставник! Я прошу своего Права на Смерть! – Услышал я откуда-то издали свой собственный голос. – Я иду с вами!

– Ольгерд! Не дури! – В первый раз на моей памяти Наставник назвал меня по имени. – Тебе всего пятнадцать! У тебя на шее сестра! Присмотришь за нашими близкими!

– Как? Что я один смогу поделаться с тварями, если вы их не остановите? И что с того, что мне пятнадцать? Я готов, и, по крайней мере, мне кажется, не хуже,

чем гвардейцы короля!

Мерион внимательно посмотрел мне в глаза, дернул себя за седой ус и, кивнув, торжественно произнес:

– Ольгерд Коррин! Я дарую тебе Право на Смерть! Я принимаю тебя под свою руку и клянусь быть тебе достойным вождем и соратником...

Я благодарно поклонился и, выйдя к его креслу, встал на одно колено и протянул ему оба своих меча рукоятями вперед:

– Вверяю вам свою честь, достоинство и жизнь!

Дед прикоснулся правой рукой к обоим клинкам и поднял меня с пола:

– С завтрашнего дня поступаешь в распоряжение Самира...

– Спасибо, Наставник!

– Создатель с тобой, Ольгерд! Удачи!

За следующие две недели Самир выжал из меня все соки: я еле добирался до дома и умудрялся засыпать прямо за едой. Беата, уже давно смирившаяся со скорым отъездом в город, суетилась около меня, пытаюсь хоть как-то скрасить оставшееся до Прихода время. Но, поглощенный подготовкой к первому в жизни сражению с неведомым, но опасным Врагом, я почти не замечал ее усилий. Разве что в день отъезда, когда она стояла передо мной, заплаканная, держа в руке котомку с нехитрым скарбом, в моей душе шевельнулось что-то вроде страха за нее: раньше мы ни разу не расставались более чем на день. Я прижал к своей груди ее растрепанную головку, провел загрубевшей от рукояти меча ладонью по волосам и внезапно понял, что могу больше никогда ее не увидеть. Отодвинув девочку от себя, я испуганно заглянул в ее глаза и увидел в них такую же затаенную муку.

– Не бойся, мы победим! Наставник уже четыре раза бился с тварями и до сих пор жив! – попытался успокоить я ее. – А я чем хуже?

– Ты сможешь, братик! Я точно знаю... – закусывая губу, чтобы не разрыдаться, шепотом ответила мне она. – Только вот страшно почему-то!

– Не бойся, я обязательно вернусь! Чего бы это мне ни стоило... – пообещал я, обнял сестренку и поцеловал ее в лоб. – Береги себя, ладно?

– За меня не беспокойся! – По щекам Беаты градом катились слезы, но она не отводила от меня взгляда, словно пытаюсь запомнить меня таким, каким я был в этот момент.

В это время небольшой обоз тронулся с места, и Беата, в последний раз дотронувшись до меня рукой, заняла свое место в колонне, а я вернулся на свое место на площадке, где меня нетерпеливо дожидался Самир, попрощавшийся с родными еще год назад перед уходом в Обитель.

Вечером, вернувшись в пустой и холодный дом, я с удивлением обнаружил на столе горячий ужин. А на моем любимом месте у окна сидела Элли и смотрела на меня тяжелым, полным грусти взглядом:

– Ты, наверное, проголодался?

– Да, конечно! – растерянно ответил я. – Большое спасибо за ужин! Но кто тебя отпустил из города в такое время?

– Никто меня не отпускал! – мрачно ответила девушка. – Я сбежала из дому, чтобы попрощаться! Ведь послезавтра – День Прихода?

– Да! – кивнул я.

– Значит, вы выступите на рассвете. А завтра у вас должен быть день для отдыха и медитации!

– Откуда ты знаешь? – удивился я. – Наставник ведь только что об этом объявил!

– Дедушка Сэнар рассказал. Он тоже был адептом и бился с Легионом Тьмы. Два цикла назад. И потерял там правую ногу. Так что я пришла попрощаться! – Элли

пододвинула ко мне тарелку и под села поближе ко мне. – Уйду завтра! Так что ешь спокойно, времени еще достаточно!

– Ты что, сошла с ума? – удивленно уставился я на нее. – Что значит «завтра»?

– А ты догадайся! – В ее глазах на миг промелькнули чертики и тут же пропали. – Я сегодня буду ночевать с тобой. И не пытайся меня отговорить, – все уже решено!

Я ошарашенно отодвинул от себя тарелку, чтобы высказать все, что об этом думаю, но Элли не дала мне сказать ни слова.

– Ешь! Тебе надо быть сильным! И готовым ко всему. Поэтому я здесь! Не могла не прийти, понимаешь? Кто знает, что случится послезавтра? Я ведь потом буду проклинать себя за каждую минуту, которую прожила без тебя!

Давясь едой, я слушал ее горячечный бред, то вспыхивая от радости и счастья, то краснея от стеснения: еще ни разу мне не приходилось слышать таких слов от женщины. Тем более от той, которая занимала все мои мысли в свободное от бесконечных тренировок время. И мне было здорово не по себе от желания, которое заставляло все чаще биться мое сердце...

– Я не одна такая! – донеслось до меня вдруг. – Почти все жены и подруги сегодня вернулись в Обитель... Мы шли сюда вместе!

– Так они все знают, что ты пришла ко мне? – ужаснулся я.

– А я этим горжусь! Во всем королевстве лишь один воин в пятнадцать лет избран достойным, чтобы идти в бой с Легионом. И это ты!

– А что скажут твои родители?

– Мне все равно! Это мое решение, и я от него не отступлюсь. – Девушка забрала у меня опустевшую тарелку и, отодвинув меня от стола, взобралась ко мне на колени. – Кстати, а ты по мне соскучился или как?

Ее пальчики пробежали по моим щекам, потом скользнули по шее, расстегнули ворот рубашки и стянули пропахшую потом ткань через голову:

– Я принесла тебе новую рубашку. Оденешь ее под кольчугу, ладно? Она принесет тебе удачу! – попросила она меня. – Только посмотришь ее утром, хорошо?

– Как скажешь! – ответил я и прижался носом к ее шее, вдыхая пряный запах молодого девичьего тела.

– А теперь пойдем, ополоснемся! – попросила меня она и, не дожидаясь ответа, соскользнула с моих коленей и потянула меня наружу.

Мы неторопливо добрались до излучины Белой, где быстрая горная речушка неожиданно замедляла свой бег и довольно широко разливалась в естественной скальной чаше, прежде чем снова ринуться в теснины следующего горного хребта по дороге к далекому морю. Кристально чистая, но довольно холодная вода позволяла днем видеть каждый камешек на дне на глубине в восемь ростов человека, а сейчас, в кромешной тьме ночи, казалась черным зеркалом, в котором отражались далекие звезды. Я засмотрелся в него и чуть не отпрыгнул в сторону, когда к моей спине прикоснулась неожиданно горячая рука Элли.

– О чем задумался?

– Даже не знаю! – повернулся я к ней и оторопел: девушка стояла передо мной совершенно обнаженная, ничуть не стесняясь своей наготы, и даже в полной темноте я всю ее охватил одним взглядом. Не дожидаясь, пока я начну соображать, она тряхнула распущенной гривой волос, отчего ее довольно полная для такого возраста грудь тяжело заколыхалась, и закинула руки мне на шею:

– Я тебя жду!

Я механически разделся и вошел за ней в воду, не отрывая взгляда от изгибов ее ладного тела, не замечая ни прохлады воды, не слыша ни одного звука, кроме ударов сошедшего с ума сердца. Добравшись до места, где вода достала ей до шеи, девушка, явно довольная произведенным на меня эффектом, повернулась ко мне лицом и прижалась ко мне всем своим разгоряченным телом. В моем

сознании словно разорвалась бомба, и я просто перестал что-либо соображать: ее поцелуи и ласки смешались с моими, я ощутил всем телом ее жар, потом у меня закружилась голова и я просто закрыл глаза. Сразу стало намного легче: я тут же почувствовал ее дыхание, начал слышать его оттенки и попробовал как-то воздействовать на него. Вскоре мои робкие попытки начали становиться все осмысленнее, и колокол ее сердца забился на моих губах... Потом с ума сошла она, и ее безумие затянуло в водоворот страсти; следующие несколько часов спрессовались для меня в одно безумно сладкое мгновение...

...Рассвет мы почему-то встретили в моей постели, хотя, убей меня Творец, я не помнил, когда и как мы до нее добрались. Элли, плача от счастья и горечи предстоящего расставания, лежала на моей груди и теребила мои волосы, а я, прижимая ее к себе как можно ближе, шептал ей на ухо какую-то восторженную чушь. Но все когда-нибудь кончается, и стоило ей услышать за окном легкую поступь чьей-то жены или любимой, спешащей к еще спящему городу, как девушка горько разрыдалась, нехотя разжала мои объятия и принялась одеваться. Я, все так же жадно пожирая ее глазами, всячески препятствовал этому, но Элли была непреклонна:

– Тебе еще надо выспаться... Завтра у тебя тяжелый день... Так что не мешай, пожалуйста... Ты думаешь, я хочу уходить?

– Так останься! – с надеждой в голосе попросил я.

– Я не хочу остаться вдовой из-за того, что не смогла вовремя уйти... – Металл в ее голосе немного остудил мои чувства, и через пару минут, почти не сопротивляясь, я отпустил ее домой. И сразу завалился спать: после бурной и бессонной ночи ноги меня совершенно не держали...

К обеду меня разбудил Наставник, лично навестивший комнатку пропавшего ученика.

– Подъем, оболтус! – раздалось у меня над ухом, и я тут же слетел с кровати.

Мерион сидел на стуле рядом со мной, рассматривая мое то и дело расплывающееся в улыбке лицо. Судя по выражению его глаз, он не знал, с чего начать заготовленную речь, что на него было не похоже. Наконец, поняв, что

учителя надо подтолкнуть, я быстренько оделся и, забросив мечи в ножны за плечами, доложил:

- Я готов! Вы что-то хотели сказать?

Наставник тяжело вздохнул, встал, потрепал меня по голове и грустно спросил:

- Ты твердо решил идти с нами, мальчик?

- Да!

- Я не буду тебя отговаривать, хотя мне этого и хочется. Знай одно: ты действительно неплох. Конечно, опыта у тебя еще пока маловато, но по технике в Обители равных тебе нет. Исключая разве что меня и Самира. Он, кстати, такого же мнения. Ты вынослив, упрям, не боишься боли. При этом не лезешь на рожон и не трусишь зря. У тебя задатки великого воина. Но это испытание для тебя рановато. Не лезь вперед: Тварей хватит на всех... Единственное, чего будет всем нам не хватать - это отдыха. Поэтому держи ритм, меняйся по команде и учти, что нам нужны не отдельные герои, а победа. А она невозможна без слаженных действий всех до единого. Смотри по сторонам! Договорились? А теперь пойдём: в Доме Совета все уже собрались. Ждут одного тебя... Не красней, ничего страшного! Мы все были молодыми и еще помним, каково в первый раз прощаться с родными!

Мы скорым шагом добрались до Дома Совета, и Мерион еще от дверей начал военный совет:

- Итак, друзья, нас двадцать семь человек. Четыре полные пятерки, одна четверка и одна тройка. Дик и Леший! Ваши пятерки работают без изменений. Крон! Орсон! Ваши пятерки послабее, работаете вполтемпа. Крон меняет Дика, Орсон - Лешего. Однорукий! С тобой два гвардейца и Соня. Учтите: Однорукий работает двуручным мечом, и места ему надо много. Зато и уязвимых мест у него больше. Работаете тоже вполтемпа. Все трое у него на подхвате... Ольгерд... Ты третий со мной и Самиром. Третий, а не первый! Прикрываешь наши спины... Выдержишь полный темп?

– Выдержу! – упрямо буркнул я, в душе гордясь выбором Наставника.

– Тогда мы меняем Орсона, а Однорукий – нас. Потом снова Дик, и так далее. Если не будет каких-нибудь сюрпризов, то должны продержаться... Кстати, чуть не забыл: сменная пятерка постоянно наготове. Твари дьявольски хитры и успевают проскользнуть за первую линию в любую щель. Так что на самом деле отдых у всех будет вдвое короче. Понятно?

Воины просто кивнули головами, не тратя лишних слов на обсуждение приказа.

– Тогда спать! Прямо здесь... Выступаем в час Крысы... На рассвете, в Час Глухаря, мы уже должны быть на Последней Тропе. Ольгерд, ты за мной!

Я метнулся к дверям зала за Мерионом и только тут заметил, что все воины вооружены не обычными мечами, а парами Черных Клинков – лучшего оружия против лат Легиона Тьмы. Я было остановился, но тут же сообразил, что Наставник не мог оставить меня без оружия, и снова поспешил за ним.

Так и оказалось: в комнате Мериона на обеденном столе лежали два Клинка, подобранных им специально для меня. Баланс обоих почти не отличался от привычных для меня Близнецов (так я окрестил свои мечи). Я с сожалением расстался с ними, закрепив на перевязи потертые и неказистые ножны с новыми Клинками, и протянул Близнецов Деду. Однако тот отвел мою руку в сторону и, снова потрепав меня по голове, объяснил:

– Я не знаю, чем все кончится завтра. Поэтому спрячь их где-нибудь так, чтобы мог их в случае чего забрать, не появляясь возле Обитали. А потом спать!

Глава 10

Эта рыжая шалава начала действовать мне на нервы еще в фойе – стоило нам с Олегом войти в кинотеатр, как она, в тот момент стоящая возле кассы, сделала на него стойку. Глядя, как она раздевает его глазами, я еле сдержала в себе желание вцепиться ногтями ей в лицо. Когда мы, взяв билеты на «Перевозчика-2», отправились в бар поесть мороженого, она вместе со своей клокастой

подружкой разместились за соседним столиком, сев так, чтобы Олегу были видны ее слишком полная, как вымя у коровы, грудь и тощие ноги, торчащие из-под мини-юбки. Я, естественно, старалась делать вид, что ничего не вижу, но в душе бесилась не по-детски... Стоило мне отойти в туалет, как эта лахудра принялась с ним заигрывать; я уже было начала сомневаться в том, что мое желание проверить его на «прочность» имело смысл, как Олег отрицательно покачал головой на просьбу этой гадины пересесть за ее столик – стоя за кадкой с каким-то искусственным фикусом, я злорадно наблюдала, как она обламывается. А потом вдруг почувствовала, что сейчас взорвусь: эта крашенная сука что-то писала ему на листочке, вырванном из блокнота, – наверное, свой номер телефона, – а Олег, гад, спокойно за этим наблюдал!

Решив, что я могла уже управиться со всеми своими делами, я заторопилась к столу, но не успела – она протянула ему бумажку, перегнувшись так, что чуть не выронила сиськи из декольте.

– Спасибо, девушка! – донеслось до меня через миг. – Но я же уже сказал, что не имею никакого желания знакомиться! Так что извините, пожалуйста, но ваш телефончик мне не пригодится... – Замерев на месте, я почувствовала себя на седьмом небе от счастья, а потом рванула к Олежке и при всех поцеловала его в губы... Сказать, что он обалдел? – Еще как! Я – тоже... А эта падла от злости чуть не упала со стула! Но выламываться не перестала – то она фыркала, оценивающе окидывая меня взглядами, то громко обсуждала с подружкой мой действительно дешевый туалет, то поглаживала свою грудь руками, демонстрируя Олежке то, от чего он отказался.

А Олег оказался молодцом: я не увидела ни тени взгляда в ее сторону; он совершенно спокойно общался со мной и, мне кажется, именно для меня пересел так, чтобы эта тварь оказалась за его спиной...

Фильм оказался просто здоровским – глядя, как главный герой водит машину и дерется, я забыла и про лахудру, и про то, что мои джинсы пора выбрасывать на помойку, и про то, что не хочется идти домой. Мне казалось, что ощущение легкости и счастья, в котором я пребывала в кинотеатре, будет длиться вечно...

По дороге домой мы забурились в парк Горького и здорово погуляли по Нескучному саду... Олежка что-то рассказывал, смешно жестикулируя широченными ладонями, а я, мечтательно оглядываясь по сторонам, представляла, как, например, вот этот коротышка окажется страшным

бандитом, наставит на меня оружие, а Коренев меня спасет... И я, лежа у него на руках, склоню голову на его грудь или поцелую в шею...

Однако, как ни обидно, на нас никто не нападал – даже пьющая пиво обкуренная молодежь, оккупировавшая скамейки на всем протяжении набережной Москвы-реки, цепляющаяся к проходящим мимо парочкам, не сказала нам ни слова – широченные плечи Коренева и его рост говорили сами за себя... Пришлось ограничиться одними мечтами – боевой задор, позволивший мне поцеловать его в кино, куда-то улетучился, и я стеснялась не то что поцеловать его в щеку – даже для того, чтобы вцепиться в руку, и то пришлось набираться храбрости! Я не понимала саму себя – с одной стороны, мне хотелось, чтобы он проявил хоть какое-то желание и поцеловал меня сам, а с другой стороны, казалось, что подпускать его к себе еще слишком рано!

А Олег будто чувствовал мое состояние – он был безумно предупредителен и спокоен; прошелся рядом со мной по набережной, лишь чуточку расстроившись, отвез до дома и, даже проводив до подъезда, ни разу не попробовал выйти за пределы допустимого! Чем немножечко разочаровал: уютно свернувшись калачиком под своим одеялом, я поняла, что с удовольствием простила бы ему такое нахальство... Но было уже поздно...

Глава 11

– Значит, говоришь, мясник? – Холеная рука с золотыми часами от Patek Philippe за тридцать две тысячи евро перестала крутить изящную пепельницу от Сваровски и нажала на кнопку селектора.

– Леночка! Созвонись с господином Тимофеевым, сообщи, что выполненный объем работ меня вполне устроил и что приступать к своим обязанностям его внук может завтра с утра. Ясно?

– Да, Михаил Вениаминович! Что-нибудь еще?

– Нет... разве что кофе и пятьдесят грамм коньячку... Эдак минут через десять...

– Доволен объемом? Какой на хер работы? – завопила трубка мобильного телефона, прижатого к уху, но хозяин кабинета остался невозмутим:

– Рот закрой, Грива, и слушай сюда! Я тебя предупреждал, чтобы ты использовал не самых нужных своих бойцов? – Предупреждал! Так какие ко мне вопросы?

– Но, Вениаминыч, я же не знал, что он их посадит на перо?! Да ладно бойцы, но Пику! Он и Пику достал! А он – моя правая рука! Вернее, был правой рукой!!! Люди говорят, что Пика ныкался в кустах метрах в пятнадцати от твоего клиента! Как он его срисовал? Может, кто слил?

– Что ты несешь, придурок! – От холода в голосе Михаила Вениаминовича, казалось, съежилась даже трубка телефона. – Кто, кроме тебя, знал, кого ты отправишь на эту стрелку? А?! Я?!

– Да нет, что ты, Вениаминыч?! Я так, думать пытаюсь!

– Не пытайся, все равно без толку! Бабки ты получил, можешь расслабиться. И еще: это мероприятие в комментариях не нуждается!

– Могила, шеф! Если что, я на связи!

– Пока! – Положив мобильник на стол, господин Кириллов довольно потер руки и усмехнулся: этот мальчик уже начинал ему нравиться!

...Вечер после «экзамена» Дед провел, расслабляясь: дав мне в левую руку упаковку бутылочного пива «Fosters», он запрыгнул мне на плечи и удобно там устроился: по крайней мере, сидел, что-то мурлыкая себе под нос и периодически отхлебывая из бутылки свой любимый напиток. Мне было менее весело: отработка комплекса «Заходящее солнце Ирама» в экстремальных, как выражается Дед, условиях, вообще дело не самое приятное, а тут еще не дай Создатель пиво ему расплескать... В общем, таким вот образом я «развлекался» до половины первого ночи. А все потому, что удар в затылок тому типу с битой, видите ли, «был недостоин звания Мастера», демоны побери и звание, и удар, и этого типа, и его дубину! Ну если, конечно, быть кристально честным перед самим собой, то лезвие вошло не чисто, а с каким-то скрежетом и небольшой

задержкой, но ведь и нож у них – дерьмо, и дипломат в руке мешал... Хотя, выскажи я вслух такое мнение, месяца два бы его из рук не выпускал!

Размышляя о своей нелегкой судьбе, я постепенно наращивал темп, нанося воображаемые удары всем шестнадцати каноническим противникам, стараясь почувствовать, о чем размышляет восседающий на мне Учитель, но, как всегда, неудачно: его побуждения, как и восемнадцать лет назад, так и остались для меня тайной за тремя печатями Зла...

Глава 12

Неделя пролетала как один день – каждое утро я просыпалась, сияя как медный грошик от осознания того, что через какие-то пару часов мы наконец увидимся, и приводя себя в порядок перед зеркалом в нашей порядком захламленной ванной, улыбалась своему отражению... Даже ежеутренние истерики матери и пьяные «шуточки» отчима практически меня не задевали. Разве что немного подчеркивали отношение ко мне Олега... И я летела на лекции как на праздник, улыбаясь прохожим по поводу или без... Несколько раз прохожие, наверное, спровоцированные моей улыбкой, даже пытались со мной знакомиться, но мне не было дел ни до кого: где-то там, далеко, навстречу мне ехал ОН! И я боялась опоздать... даже на миг... на половину мига...

...Времени, проводимого с ним, было катастрофически мало: каждый день в пять часов, проводив меня до дома, он прощался и ехал на какую-то дурацкую работу, которая обязательно требовала его присутствия и полного сосредоточения: даже звонить ему он просил либо до шести вечера, либо после двенадцати ночи... Пришлось смириться. На время. Я старалась не ревновать и дожидаться момента, когда он будет только моим...

...А в понедельник поздно вечером убили Татьяну... Вадюшка, ее младший брат, позвонил мне как раз в тот момент, когда я, усевшись рядом с телефоном, смотрела на часы, ожидая, когда же пробьет долгожданные двенадцать, чтобы набрать Олега и пожелать ему спокойной ночи. Как минимум в получасовом разговоре...

За пять минут до двенадцати телефон зашелся хохотом, и электронный голос потребовал, чтобы ему сейчас же налили рюмашечку, а то он ни за что не соединит меня с милым. Скачанный Лехой с параллельного курса с какого-то сайта в Интернете и переписанный им на мой новый телефон, этот сигнал сообщал мне, что звонит кто-то очень близкий. Танька или Олег... Вернее, Олег или Танька... Я вспыхнула от радости и завопила «Алло», даже не взглянув на определитель... Это был не Он. Я даже не сразу поняла, кто: все мои мысли были заняты обдумыванием того, что мне хотелось рассказать своему самому благодарному слушателю на свете... И когда до меня дошел смысл Вадюшкиных слов, я чуть не уронила телефон.

- Машка! Таньку убили! Приезжай! Я больше не могу...

Схватив со стола сумку, я выскочила в большую комнату, где прямо на глазах у оторопевшего отчима выдернула из гардероба нижний ящик, отлепила от его задней стенки приклеенный скотчем сверток – когда-то случайно обнаруженную записку матери – и, на ходу сообщив им, что верну деньги на неделе, вылетела из квартиры. Чуть не забыв снять с вешалки пальто...

Чтобы доехать от меня до Танькиных Мытищ, денег – моих шестисот сорока рублей с мелочью и трехсотрублевой записки мамы – хватило еле-еле. Водитель – средних лет азербайджанец с офигительно лопухими ушами и здоровенным носом, то и дело поглядывавший на мое безумное выражение лица, так и не решился высказать пожелание познакомиться, явно видимое в его глазах даже невооруженным взглядом. И слава богу: в таком состоянии я вряд ли ответила бы ему адекватно – у меня дрожали руки и подергивалась жилка на виске. Почти целый час езды на его разбитой «шестерке» я продрожала от холода – окно в моей двери, видимо, не закрывалось в принципе, и прохладный, градусов пяти-семи, ветерок мило задувал мне в вырез домашнего халатика... А пальто, скрученное в какой-то сюрреалистический узел, мирно почивало у меня на коленях... Только у самого подъезда Татьяниного дома джигит, видимо, сжалившись надо мной, посоветовал мне одеться:

- Э, дэвушка, тебе ны холадна? Палтышка адэн, да?

Отдав ему деньги и кое-как поблагодарив, я кое-как оделась и, забыв закрыть за собой дверь машины, вслед за каким-то припозднившимся жильцом влетела в полутемный подъезд...

...Они искали меня: Татьяна, задержавшаяся в аудитории после семинара по матанализу, оказалась единственным человеком из нашей группы, которую застали два отмороженных на всю голову парня в кожаных куртках и кепках, надвинутых на глаза и спрашивавших у всех встречных и поперечных про Марию Логинову, то есть про меня. Танька, услышав мою фамилию, выскочила в коридор и поинтересовалась, с какой целью они меня ищут, на что один из них, со шрамом у виска, схватил ее за волосы, втащил обратно в аудиторию и потребовал мой адрес... Татьяна пнула его коленом в пах, и это было последнее, что увидел и услышал Сенька Жуков из параллельной группы: рванувшись на помощь, он нарвался на удар кастетом и потерял сознание. А пришел в себя уже в больничной палате Первой Градской ...А в это время Танька умирала в «Склифе»: несмотря на все старания врачей, пережить тяжелейшую операцию ей не хватило сил. Просто отказало сердце...

...Вадик, сидевший напротив меня с совершенно сухими глазами и трясущимся подбородком, все повторял и повторял горячечным шепотом:

– Двенадцать ударов ножом! Двенадцать! Двенадцать...

Глава 13

...Утро выдалось, как по заказу, ясным. Безоблачное небо начало светлеть задолго до того, как мы добрались до расщелины в скальном массиве, находящемся в трех часах ходьбы от Обители. Довольно широкая у горловины, трещина постепенно сворачивала вправо, с каждым поворотом сужаясь, чтобы в итоге превратиться в узкую, шириной не более трех-четырех шагов, расселину, и далее, практически не меняя ширины, вилась далеко в глубь массива, образуя печально известную Последнюю Тропу. Лишь через час быстрого хода пятерка Дика остановилась перед вертикальной скалой, которая раз в семь лет и извергала из своей толщи орду Тварей. Совершенно гладкая по всей длине, она возвышалась над нашими головами на высоту в четыре человеческих роста и, несмотря на многочисленные попытки наших предков ее уничтожить, была цела и невредима. Окружающие скалы, тоже без единой трещинки, вздымались еще выше, отсекая всякие мысли о том, чтобы завалить проклятую Тропу своими осколками или чем-нибудь еще. По поверхности Врат пробегала легкая рябь, и

Наставник, тревожно оглядев всех нас, заявил, что до открытия врат осталось немногим более половины стражи, и напомнил, что в момент открытия Врат необходимо зажмуриться. Все, кроме пятерки Дика, начали понемногу разминаться, бродить по площадке перед Вратами, пятясь назад и примериваясь к возможным маневрам. Потом мы еще раз проиграли смену пятерок, тактику работы второй линии и команды, по которым выходим на смену раненым или убитым. О потерях думать не хотелось, но, увы, они были неизбежны: тысячи слежавшихся скелетов Тварей и бойцов Обители давали представление о том количестве Тварей, которые скоро хлынут в отверстие в скале...

Наконец Наставник подал знак, и все мы заняли свои места и прикрыли глаза: по рассказам Мериона, от вспышки, которой сопровождалось открытие Врат, можно было запросто ослепнуть... В этот момент со стороны выхода из ущелья раздался звон металла, и, к нашему удивлению, из-за поворота Тропы появился отряд, состоящий из монахов Ордена Алого Топора.

– Господа! – обратился к нам высокий лощеный воин с огромным топором на плече и медальоном, украшенным драгоценными камнями, висящим поверх лат на его широченной груди. – Орден благодарит вас за заботу о Вратах и предлагает вам добровольно сложить оружие. Ангелы Смерти, которые вот-вот вернуться в наш мир, не должны быть обижены вашим бессмысленным сопротивлением! Ибо грядет Апокалипсис, и мы, дети Ордена, являемся его провозвестниками! Ваша эра завершилась! Так что уходите, пока можете!

Судя по вытянувшимся лицам Мериона и Самира, речь монаха оказалась для них еще менее понятной, чем для меня.

– Что-то я не совсем понял! – спросил воина Мерион. – Так вы пришли нам на помощь?

– Не вам, нечестивцы, а Ангелам Смерти! – Он воздел правую руку вверх и картинно потряс кулаком перед лицом стоящего ближе всего к нему Самира. – Убирайтесь, пока живы! А то я начинаю выходить из себя!

Мерион грустно покачал головой, посмотрел на отряд из шести десятков воинов за спиной монаха и, оглянувшись на начинавшую переливаться оттенками черного цвета скалу, ответил:

– Увы, не вы меня сюда привели, и не вам меня отсюда уводить. У нас есть долг, так что помощь Тварям вам придется оказывать, атакуя нас сзади!

– Нас в два раза больше! – надменно расхохотался монах, поигрывая топором.

– Ничего, здесь мало места!

Потом скомандовал:

– Скала: звенья Дика, Крона, Лешего! Монахи: мое, Однорукого, Орсона!

Вопросы?

– Потанцуем! – хрипло рассмеялся Самир и с шелестом обнажил свои Клинки. На долю секунды позже раздался слитный лязг покидающих ножны мечей, и первый десяток бойцов Ордена выдвинулись на шаг вперед, повинувшись команде отступившего в тыл командира.

В этот момент где-то сзади вспыхнуло черное пламя открывающихся врат, и, пока первая шеренга монахов, схватившись за глаза, испуганно взвыла от боли, наша тройка слитно рванулась вперед. Тут же первые монахи рухнули под ноги своим товарищам, забрызгивая кровью и их, и себя, и крошево из костей и камня под ногами. Прежде чем оставшаяся в живых полуослепшая двойка успела прикрыться щитами, мы сделали еще один выпад, и тут началась такая рубка, что я потерял счет времени. Постепенно приходящие в себя монахи оказались довольно искусными воинами, но против Черных Клинков и подготовки бойцов Обители у них устоять не получалось. Мы перерубали их мечи со второго-третьего удара, довольно легко пластали их латы и кольчуги вместе с телами, стараясь при этом не подставляться под атаки озверевших от запаха крови воинов. Я вертелся, как юла, прикрывая работающих по обе стороны от меня Наставника и Самира, и атакуя тех, кто оказывался передо мной. Очень скоро я оказался залит вражеской кровью, как мясник на бойне, и, чуть не поскользнувшись на груди еще бьющихся в судорогах тел, стал уделять больше внимания своим ногам. Где-то там, позади, в панцири Тварей с утробным хеканьем врубалась пятерка Дика, но оглядываться назад мне было некогда: я сосредоточился на монахах...

...Наконец Орсон скомандовал: «Темп!», и я автоматически скользнул за спину возникшего передо мной Однорукого, даже не пытаюсь прикончить уже дважды

раненного, но не добитого монаха. И правильно: стоило мне отскочить назад, как рванувшийся было вдогонку мне воин напоролся на огромный двуручный меч и его голова вместе с частью грудной клетки сползла на землю, а из бесформенного куска еще стоящего на ногах тела забил фонтан крови. Меня немного замутило, но я справился с тошнотой и развернулся к Вратам.

Там творилось что-то сумасшедшее: из черного марева размером с две нормальные двери нескончаемым потоком лезли Твари. Почти человеческие тела стояли на мощных трехсуставчатых ногах, такие же мощные руки с зажатými в них Черными Клинками со свистом рассекали перед собой воздух, а мерзкие, похожие на топоры черепа скалились невероятными осками. Единственное, что показалось мне хорошим предзнаменованием, было то, что среди тварей практически не было двумечных воинов. Значит, шансы на победу у нас были. Пусть призрачные, но хоть какие-то! А Дик со своими ребятами, с ног до головы покрытый зеленой кровью врага, по-моему, совершенно невредимый, переводил дух рядом со мной, гордо посматривая на внушительную кучу порубленных Врагов, вздымающуюся перед Вратами. Увы, в отличие от предыдущей смены, у пятерки Крона дела пошли не лучшим образом: один из воинов, неловко заблокировав удар в голову от одной из Тварей, не успел отскочить от атаки двух других и пропустил сильнейший удар по ногам, превративший здорового парня в безногого калеку. Леший, метнувшись вперед из второй линии, тут же отрубил обе правые лапы с мечами, но было уже поздно: еще одна Тварь, издав торжествующее шипение, разрубила парня почти до пояса...

...«Темп!» – скомандовал Мерион, и наша тройка заняла вторую линию за пятеркой Лешего, а ребята Дика встали за спинами врубившегося в ряды Орденцев бойцов Орсона. Еще через десять минут я дотянулся до ноги своей первой Твари, пытавшейся в глубоком выпаде достать мечом Боно, вечного напарника Лешего. А потом во Врата вломилось столько Воинов Тьмы сразу, что первая и вторая линия на миг почти смешались. Однако в этот раз прорваться им не удалось, и после очередной смены я снова оказался на первой линии...

...Первый страх перед Тварями давно уже забылся, и я довольно уверенно рубился с этими исчадиями Тьмы, порою убивая очередного «гостя» еще до того, как он успевал полностью показаться из Врат. Самир и Наставник то и дело придерживали меня, хотя я и не терял линии. Просто я стоял по центру, и Врата оказались ко мне ближе всего. Лишь одна из Тварей заставила меня не на шутку испугаться: двумечный монстр на голову выше своих, и без того не мелких собратьев, вертелся передо мной подобно сумасшедшему вихрю, не только

отбивая все мои атаки, но и успевая атаковать на разных уровнях практически без перерыва. Причем так опасно, что я раза два думал, что не успеваю. Однако Тварь подвел ее задор: рванув за мной, она оказалась между моими напарниками, и правый меч Самира и левый Мериона одновременно отрубили ей обе лапы с оружием, а через мгновение мои два раскроили ей череп. Тут же, метнувшись вперед, я в запале развалил пополам еще двух Воинов Тьмы, успевших за это время оказаться на нашей стороне, а подоспевшие Самир и Мерион довольно спокойно прикончили еще парочку. Потом мы опять сменились, и я снова смог осмотреться. Увы, хорошего было мало: один из ребят Дика был довольно серьезно ранен. Его правую руку, прорубленную почти до самой кости, сейчас прибинтовывали к корпусу, а ноги, тоже покрытые несколькими не очень глубокими порезами, просто перевязали. Однако он был нам уже не помощник: отправлять его в строй значило дать возможность его добить...

С другой стороны, гора зарубленных Тварей громоздилась уже почти на две трети высоты Врат, что сильно затрудняло им маневры при выходе. А строй воинов Ордена поредел почти наполовину. И все это – за полтора часа. Но осталось-то еще шесть с половиной! От этой мысли мне стало немного не по себе. Но Мерион, вовремя оказавшийся рядом, положил мне на плечо заляпанную красными и зелеными пятнами руку и успокаивающе подбодрил:

– Молодец, мой мальчик! Ты держишься просто отлично! А то отступление ты придумал как нельзя кстати: еще несколько минут, и сквозь Врата к нам набилось бы столько этой дряни, что мы бы замучались от них отбиваться! Если бы не эти уроды, – он махнул в сторону воинов Ордена Алого Топора, – то у нас был прекрасный шанс обойтись малой кровью. Кстати, если мы не разделаемся с ними за час, то боюсь, что нас просто сомнут! Так что сейчас нам с Самиром будет очень нужна твоя помощь: работаем только вполсилы темпа, всего пять минут. Но за это время надо максимально проредить ряды этих недоумков. Понятно?

– Хорошо, Наставник! Я постараюсь!

– Только не лезь на рожон! Просто помогай нам, ладно? Вставай, нам пора...

Через миг я снова оказался в каше из обрубков человеческих тел, крови, внутренностей, – на второй линии за ребятами Орсона. Еще через пять минут мы вынеслись из-за спин первой линии и, взвинчивая темп, врубились в ряды воинов Ордена, не ожидавших такой прыти от утомленных непрерывными боями

адептов Обители Последнего Пути. За первые двадцать секунд семеро монахов лишились конечностей, за последующие четыре минуты еще пятеро лишились жизней. Потом мы отступили назад, за спины очередной смены, и, устало опустив почти отваливающиеся руки, пересчитали оставшихся на ногах монахов. Увы, их оставалось еще четырнадцать! Меньше четверти от начального числа. У нас же погибло двое: один в пятерке Дика, один – у Орсона. Еще через минуту рванувшийся было на помощь друзьям, раненный в руку Леон напоролся на Черный Клинок, и мы потеряли и его...

Двадцать три человека против четырнадцати монахов и тьмы Тварей! Я почти взвыл от злости, но времени переживать не было: надо было восстанавливать дыхание, потому что Враг все прибывал и прибывал...

...Через три часа после Открытия Врат нас осталось семнадцать. Твари вырубили всю орсоновскую пятерку, а монахи зарубили одного из гвардейцев Однорукого. Правда, и Орденцев осталось всего трое, включая их предводителя с топором. Тогда, оставив три образовавшиеся вновь пятерки разбираться с Легионом, я и Самир занялись остатками Ордена. За последующие несколько минут нам это удалось: сначала мы разобрались с рядовыми воинами, а потом потратили почти полтора темпа на одного их командира: заняв удобную позицию за бруствером из павших тел, он умело отмахивался своим чудовищным топором, пресекая почти любые попытки себя атаковать. Я даже подумал, что если бы он рубился в первых рядах своего отряда, то нас сейчас было бы гораздо меньше. Если бы вообще остался хоть кто-нибудь!

Впрочем, практики некогда великолепному воину в последнее время явно не хватало: он начал заметно уставать. Тогда, подловив его на неудачном замахе, к нему метнулся Самир, слегка забирая влево. Чуть повернувшийся ему навстречу монах неудачно подставил мне свое левое плечо, и мой клинок молнией скользнул ему под мышку, разорвав его сердце, и снова выскользнул наружу. Вторым клинком я на всякий случай отрубил ему голову и удовлетворенно повернулся к Вратам. Лучше бы я этого не делал: у Врат творилось что-то невообразимое. Рубились все три линии одновременно! Вернее, человек десять! А остальных погребла под собой куча вырвавшихся из скалы Воинов Тьмы. Я мгновенно оказался в этой каше, Самир, естественно, тоже, и общими усилиями нам удалось сначала просто устоять... а потом и двинуться вперед... Естественно, из Врат продолжали лезть все новые и новые, но кризис миновал. Унеся с собой пять жизней, включая жизни Дика и Крона. Почти все остальные были ранены, многие не раз. По команде Мериона разделившись на три

четверки, мы продолжили бесконечную карусель: подстраховка, бой, смена... подстраховка, бой, смена...

...Мое лицо заливал едкий пот, руки и ноги дрожали, а кольчуга плавала по мокрой груди, как живая. За недолгие минуты отдыха я еле успевал стирать с ладоней потеки зеленой крови Тварей, чтобы не скользили рукояти мечей, утирать лицо обрывком невесты откуда взявшейся рубахи и пересчитывать оставшихся в живых друзей. С каждой сменой нас становилось все меньше. Погиб Однорукий, потом трое оставшихся в строю гвардейцев короля, потом еще пара адептов. Потом две двумечные Твари унесли жизни сразу четверых... На ногах остались только Мерион, Самир, я и Боно, последний воин из пятерки Дика. Менялись уже по одному, урывая минуты по две вне боя, и снова рубились, рубились, рубились. За временем не следили уже давно: было уже не до этого. По моим субъективным ощущениям, бой длился уже дня три. Но в какой-то момент, зарубив очередную Тварь, мы вдруг не дождались следующей, а потом по скале пробежала белая рябь, и они закрылись!

Не понимая, что, собственно, произошло, мы по инерции еще немного постояли, почти уткнувшись в безжизненный серый камень, и тут до нас начало доходить, что цикл завершен! Что Тварей больше не будет! Ближайшие семь лет!

...Попадав на землю почти там же, где и стояли, мы, бессильно раскинув в стороны руки и ноги, пытались вдохнуть в натруженные легкие хоть глоток чистого, не пропахшего кровью и слизью воздуха... Потом, собравшись с силами, разобрались с ранами и порезами, которых у каждого набралось по несколько штук, кое-как ополоснулись из фляг рачительных монахов и решили, что немного сна нам не повредит.

Глава 14

Сказать, что шеф был зол, значило солгать: полковник Кормухин был вне себя от бешенства. Его и без того практически бесцветные глаза превратились в узкие бойницы, а желваки на широких скулах, казалось, вот-вот вырвутся наружу... И хотя голос он не повышал, воздуха в кабинете явно стало не хватать...

– Так я не могу понять, товарищ майор, – в голосе начальника Управления было столько злости, что Гришанин невольно поежился, – как вы, начальник отдела, со своими бестолковыми сотрудниками больше чем за десять дней, разбазарив море времени и средств, так и не смогли найти какого-то, пусть и особенного, парня? Он что, человек-невидимка? У вас есть видеозапись! Его лично видел ваш подчиненный! Есть куча свидетелей, есть куча трупов, наконец! А вы ходите и наступайте себе на... – Он на минуту запнулся и, нахмурившись, продолжил: – На одно место... Может, вы уже слишком стары для этой работы?

– Никак нет, товарищ полковник! – Майор вскочил со стула и, вытянувшись во весь свой двухметровый рост, по-уставному рявкнул: – Найдем!

– Вон!!! – Кормухин со всей дури врезал кулаком по не вовремя подвернувшейся под руку клавиатуре компьютера и, проводив глазами разлетевшиеся по полу клавиши, сжал кулаки. – И учтите: я даю вам неделю. И ни часом больше. Иначе уволю в запас к чертовой матери! Капитаном!!!

Выскочив из кабинета начальника, Гришанин облегченно вздохнул и, кивнув на прощание испуганно вскочившему со своего стула адъютанту, уже гораздо спокойнее вышел из приемной в коридор. Закурив сигарету, он, не обращая внимания на приветствия встречных офицеров, быстрым шагом зашагал в сторону своего кабинета...

– Ну? – первым среагировал на его приход капитан Киселев.

– Баранки гну! – буркнул майор и отправил в рот протянутую рюмку с водкой. – Дал неделю. Иначе кирдык!

– Это он может! – вздохнул Будников. – Придется покрутиться...

– А у меня тут идея возникла, товарищ майор! – Горохов, вырезающий из листа бумаги своих любимых чертиков, не поднимая глаз, пропел несколько нот на мотив матерных частушек. – Я послал Сафронова и двух стажеров за одним человечком... Думаю, если он не отдаст концы по дороге, то конец веревочки у нас в кармане!

– Что за человечек? – прожевав соленый огурчик, заинтересованно спросил Гришанин и с надеждой посмотрел на капитана. – Не тормози, Евгенийч!

– Да я тут прикинул кое-что к кое-чему! – поднял глаза Горохов. – Покойный Пика под кем у нас ходил? Под Гривой! Значит, гражданин Григорьев Игорь Александрович, то бишь Грива, должен быть в курсе телодвижений своей правой руки. Не самодеятельностью же наш покойник занимался, в самом деле? А так как юридически никаких претензий вышепоименованному гражданину Григорьеву мы предъявить не можем, то нам, под давлением обстоятельств непреодолимой силы...

– Слышь, Мишаня, хорош трепаться, а? – Майор подхватил свободный стул, развернул его спинкой вперед и уселся напротив невозмутимо продолжающего вырезать чертиков подчиненного. – И без подь...к тошно!

– Да не подкальваю я! А поясняю, что взял на себя смелость приволочь эту гниду без всяких на то оснований. Правда, не к нам, а на хату в малом Кисловском переулке – она ведь уже засвечена, а?

– И во сколько они там будут?

– Думаю, еще пару бутылок мы уговорить успеем! – ухмыльнулся капитан и бросил наконец свои ножницы в нижний ящик стола. – Сеня обещал позвонить, как его прищучит... Так что можем пока расслабиться. Между прочим, рабочий день уже два часа сорок минут как закончился... А мы пока ни в одном глазу... вернее, почти ни в одном...

Гражданин Григорьев плакал... Слезы катились по его крупному, испещренному оспинами лицу и капали на промокший от пота пиджак, порядком изорванный при задержании... Судя по довольному лицу Сеньки Сафронова, чемпиона службы по рукопашному бою, при захвате Игорь Александрович вел себя неадекватно, то есть пытался сопротивляться, а значит, был задержан с предельно допустимой для сохранения жизни жестокостью... И соответственно был готов к исповеди на любую тему...

Гришанин, полюбовавшись на дело рук мастера, подошел к валяющемуся на полу бандиту поближе и, наступив на пальцы его руки, участливо произнес:

– Я надеюсь, проблем с памятью у нас нет, любезнейший?

– Н-нет! Я все скажу, только не бейте!!! – всхлипывая, произнес Грива. – Я не могу дышать, у меня сломано несколько ребер!

– И шо? – удивленно приподнял левую бровь Сафронов. – Их у тебя и так до хрена! А будешь жаловаться, оставлю одно... наверное...

– Не жалуюсь я, – испуганно сжался морально сломленный Григорьев. – Просто мне больно!

– Ладно, лирику можно отставить! – прервал содержательный диалог майор. – Помнишь Пику? Кто его положил?

– Какой-то кандидат в телохраны Кириллова из Госдумы... Он просил меня проверить, что он из себя представляет... – путаясь в словах, запричитал Грива. – Заплатил за работу... Просил задействовать не самых нужных пацанов... А что я мог сделать? Я у него в долгу... А что такое? Я что-то сделал не так? – увидев, как нахмурился Гришанин, задержался он. – Я не виноват! Это все он!!!

– Так, тут все понятно! Прибери тут... – встав на ноги, буркнул майор и, не оглядываясь на заскулившего от страха человека, вышел в коридор. – А ты, Горохов, возьми Кириллова в разработку... Только не забывай, что он – лицо неприкосновенное и тэ дэ, и тэ пэ... Кстати, проверь, мало ли, он и вправду ФСОшника проверял... вот будет потеха, если он – «сосед»...

Через мгновение входная дверь гулко хлопнула, и Грива, еще два часа назад наводивший страх на свой район, заглянув в глаза приподнявшегося лейтенанта, почувствовал, как у него что-то оборвалось внутри. Он хотел успеть произнести что-то важное, такое, что остановит эту неумолимую машину смерти, и даже успел шевельнуть губами, как вдруг что-то страшно хрустнуло и он потерял сознание... Навсегда...

Глава 15

– Слушай, может, харэ? – Колян тряс за руку мертвой хваткой вцепившегося в свою жертву Рыжего, пытаюсь достучаться до сознания озверевшего от вида

крови товарища. – Ну нету у него больше кокса, нету!!!

– Ищи, сука! – Кулак Рыжего вмял и без того расквашенный нос Косого. Голова парня, находящегося на грани потери сознания, мотнулась назад, уперлась в перила и вдруг безвольно повисла...

– Ты че, братан? Ты же его замочил! Это же беспредел!!! – заволновался еще один участник «операции машинного доения», как такие мероприятия называл их идейный вдохновитель, старший лейтенант милиции Лосев Иван Константинович, в миру отзывающийся на кличку Рыжий.

– Да ладно, притворяется, паскуда! – Кулак Рыжего снова вступил в соприкосновение с лицом обмякшего парня и, как ни удивился этому факту хозяин кулака, не вызвал у жертвы никакой реакции... – В натуре копыта отбросил!

– Блин, нехорошо как-то! – Сержант Ковальчук выглянул в заляпанное окно подъезда и, заметив парочку неизменных бабушек на скамеечке внизу, зачем-то поднял воротник своей куртки повыше... – На той неделе – два азера, потом та телка в институте, теперь еще этот наркот... Что-то ты слишком разошелся, братан!

– А ты не ссы, Петрушка! Лучше сгоняй, подгони тачку... Будем изображать задержание преступника... Кстати, ты узнал адрес той шалавы из Макдака? – Рыжий вопросительно уставился на товарища и пару раз сжал свой пудовый кулачище... – Сам подписался! А за базар надо отвечать!

– К концу недели будет! – У сержанта при виде немигающих зрачков совершенно озверевшего лейтенанта по спине пробежала струйка холодного пота... – Я там человечка зарядил... сходит в деканат... Я в теме, Рыжий!

– Ну-ну... че встал тогда? Живо за тачкой! Надо этого жмура быстренько оприходовать и на работу... А то опоздаем на развод... Кстати, кокса ни у кого не осталось, братаны? А то меня что-то плющит не по-детски... – Старлей поежился и, заметив, как потянулся к карману Колян, просиял: – Спасибо, братишка! С меня причитается! – Потом посмотрел на сползшее на пару ступенек вниз тело и приказал: – Тащи его вниз, а я догоню...

Еще через несколько минут от подъезда «хрущевки» отъехал здоровенный милицейский «Форд» с остывающим телом наркомана Косого, зажатый на заднем сиденье мощными плечами людей в форме...

Поехать на похороны Татьяны мне не удалось: дядя Боря, серый от горя, решил, что его дочка должна вернуться в родное село и, не слушая возражений, увез тело в Архангельскую область... Единственное, что я успела сделать – это записать адрес поселка и получить краткие пояснения, как туда добраться... Если бы не Олег, то я бы, наверное, сошла бы с ума от осознания своей никчемности и ненужности: той мелочи, которая у меня оставалась в кармане после ночной поездки на такси, не хватило бы даже на приличный букет, не говоря уже о какой-либо помощи семье моей лучшей подруги. Но парень, толком не перекинувшийся с Танькой и десятком слов, молча вручил Зинаиде Львовне конверт с тысячей долларов, потом целый день мотался как проклятый то в морг, то в милицию, то в какой-то автокомбинат... И при этом умудрялся поддерживать и меня, и мелко трясущегося от беззвучных рыданий Вадика, и тетю Зину... А когда старый желтый «Пазик», в последний раз мигнув стоп-сигналами, скрылся за поворотом, я прижалась к его груди и зарыдала: я наконец поняла, что Татьяны уже нет. И никогда не будет... Олег молча гладил меня по голове и изредка тяжело вздыхал каким-то своим мыслям...

Очнулась я в салоне такси, в свете фонарей несущегося по Садовому кольцу, сидя рядом с Олегом, и почувствовала, что мне стало чуточку легче... Самую малюсенькую малость...

– Олечка! Я не хочу домой!!! – донесся до меня какой-то далекий, глухой и безжизненный голос, и я с удивлением поняла, что этот голос – мой. – Куда угодно, только не домой, ладно?

– Хорошо... Как скажешь! – Он приподнял мой подбородок, аккуратно повернул мое лицо к себе и, заглянув в глаза, вдруг чмокнул меня в лоб. Как дочку перед сном! – Тогда едем ко мне! Ты не против?

Против я не была – мне было совершенно до фонаря, куда ехать... Лишь бы подольше и не домой... А через час-полтора я осознала себя лежащей, раздетой, с закрытыми от удовольствия глазами... По моему телу скользили ладони... нет, не ладони, а что-то неземное, нежное, теплое, безумно приятное... Они

разминали каждую мышцу, связку, массировали кожу, задерживались в каких-то точках, снова срывались с места, и мне казалось, что лучше быть не может... и я чуть не заплакала от счастья...

Не знаю, сколько длилось это безумие, но когда я поняла, что укрыта и уже целую вечность не чувствую прикосновений, я приоткрыла глаза и увидела довольную физиономию Коренева прямо перед моим лицом:

– Ну, как тебе Дед?

– Кто? – еле выдавила из себя я, не совсем врубившись в вопрос.

– Дед! Марк Иванович! Я давно хотел тебя познакомиться! – Он показал мне глазами куда-то мне за спину, и через миг в поле моего зрения оказался могучий, кряжистый старик с ладонями, похожими на кору старого дуба и седыми, роскошными усами, делающими его похожим на отставного казака...

Церемонно поклонившись, с каким-то странным акцентом он произнес:

– Рад знакомству, молодая госпожа!

– Не обращай внимания, – захихикал Олег, заметив выражение моих глаз. – Он любит высокопарно выражаться... а еще шутить и... – Он показал дедовой спине язык, мгновенно отбил возникшую в воздухе у его лица вилку и захохотал: – Наказывать!

Тут я сообразила, что лежу под пледом совершенно голая, а в квартире два мужика, включая практически незнакомого мне Деда, и почувствовала, что горю! Мои щеки, шея... да что шея, мне показалось, что у меня покраснели даже пальцы ног! Я зажмурилась и попыталась провалиться сквозь землю... Но тут кончика моего носа коснулся палец Олега, потом я почувствовала совершенно неземной аромат, открыла глаза и увидела здоровенную дымящуюся кружку.

– Выпей! Тебе сейчас не помешает! А я пока пойду и застелю тебе кровать. – Он, как ни в чем не бывало, повесил на спинку стоящего рядом стула махровый халат и исчез из поля моего зрения... Потом где-то сзади негромко закрылась дверь, и я почувствовала, что одна.

Отвар оказался чем-то неземным: он взбодрил меня так, что мне захотелось петь, танцевать, а мысли о Татьяне отошли куда-то далеко-далеко, но не пропали совсем, а легкой грустинкой чуть оттенили ощущение безграничного счастья, вдруг откуда ни возьмись проявившегося в моей душе. Неожиданно для себя я легко соскочила со стола, завернулась в оказавшийся огромным халат и огляделась: в комнате было на что посмотреть!

Во-первых, книги: их было множество, причем практически в каждой торчали закладки. Правда, полка для книг в планировке квартиры предусмотрено не было, поэтому они аккуратными стопками просто лежали где попало, включая пол и подоконники...

Во-вторых, здесь совсем не было заметно женского присутствия: такая помесь абсолютного порядка и вселенского бардака, как то, что я видела вокруг себя, свела бы с ума любую, даже самую ленивую и взбалмошную представительницу слабого пола. Например, дорогуший, судя по виду, костюм, отглаженный и бережно упакованный в целлофан, аккуратно висел на плечиках на люстре в центре комнаты!

В третьих, в комнате было оружие. В углу, между телевизором и огромной колонкой стереосистемы стоял двухметровый шест с окованными металлом концами... Я не причисляла себя к крупным специалистам в области боевых искусств, но глядя на него, я поймала себя на мысли, что он – не обычный антураж для любителей поизображать из себя последователя Брюса Ли, а настоящее боевое оружие. Отполированное не в какой-нибудь мастерской, а за годы употребления по прямому назначению ладонями своего хозяина... И мне совершенно не захотелось прикасаться к его матовой, влекущей поверхности.

На стене, рядом с непонятно зачем прикрученными планочками и крючочками, на небольшом ковре висело что-то непонятное: помесь топора, кирки и копья... Причем выглядело так же неприятно, как и шест... На полке стенного шкафа, подобно приготовившейся к броску змее свернулась цепь с небольшим шаром на одном и с наконечником копья на другом конце... Стоило мне слегка прищуриться, как появилось ощущение, что она – живая и готова распрямиться во всю длину, чтобы дотянуться до меня, такой слабой и беззащитной... Я даже чуть не вскрикнула от страха, но наткнулась взглядом на две совершенно разные подставки для мечей – это было что-то! Одна пара, в потертых ножнах и с рукоятями в виде голов каких-то хищных птиц, возлежала на темной, неизвестно из какого дерева изготовленной подставке на комод... Вторая, в

богато украшенных ножнах, висела на ковре над раскрытым полуторным диваном. Однако к той, простой паре – тянуло... А от той, что в цацках, – отталкивало... Причем так, что подгибались ноги... Поэтому я бочком-бочком добралась до комода и замерла, пытаюсь разобраться в своих, таких непривычных ощущениях...

В это время раздался стук в дверь.

– Ты уже одета? – Как мне показалось, Олег возник в комнате раньше, чем я сказала «Да». Впрочем, вспомнив, что еще пять минут назад я возлежала на этом вот столе «ню», я не стала особо заострять внимание на этой, не такой уж и большой шероховатости и, аккуратно прикоснувшись к мечам на комодке пальцем, спросила:

– Эти – зовут... А вот те – отталкивают! Почему?

Олег вытаращил глаза и чуть не уронил на пол стопку блюдец и чайник.

– Ты чувствуешь?

– Да! – кивнула я. – А что?

– Учитель! – рявкнул Олег. Так, что меня чуть не хватил кондратий. – Она слышит!

– Ого! – удивился Марк Иванович, вслед за Олегом вошедший в комнату с огромной вазой с фруктами и банкой варенья. – Это хорошо! Значит, наш человек!

Олег задумчиво посмотрел на меня, потом перевел взгляд на своего дедушку и, почесав затылок своей могучей ручищей, изрек:

– Ладно, об этом – позже, а пока не мешает перекусить! Ты как, не против?

Прислушавшись к организму, я утвердительно кивнула головой...

Глава 16

...Стоило серебристому БМВ 760 замереть около подъезда небольшого двухэтажного, недавно отреставрированного особняка в довольно узком переулке недалеко от храма Христа-Спасителя, как возле открывшейся задней двери возник высокий, коротко стриженный мужчина в безупречно сидящем черном костюме и темных солнечных очках. Продемонстрировав красную корочку бросившимся наперерез телохранителям, выскочившим из джипа сопровождения, мужчина склонился к сидящему на заднем сиденье человеку и негромко поинтересовался:

– Господин Кириллов? Михаил Вениаминович?

Пассажир БМВ утвердительно кивнул.

– Майор Гришанин. Можно просто Игорь Петрович. Мне бы хотелось с вами побеседовать. Минут двадцать от силы. Конфиденциально. Вы не будете против?

Пробежав глазами протянутое удостоверение, Кириллов утвердительно кивнул и, жестом отослав удивленных охранников, пригласил мужчину в салон.

– Володя! Пойди погуляй! – обратился он к вопросительно глянувшему на него водителю и, дождавшись, пока обошедший автомобиль вокруг офицер откроет дверь и усядется рядом, спросил:

– Ну и чем я обязан вниманию такой серьезной службы?

Его собеседник расстегнул одну пуговицу на пиджаке, потом поправил чуть топорщащуюся под левой подмышкой кобуру скрытого ношения и протянул Кириллову довольно объемистую папку, невесть откуда появившуюся в его руках.

– Тут часть тех материалов, которые у нас есть, касающиеся вашей деятельности в России и за рубежом, господин Кириллов... Можете ознакомиться, если вы мне не верите, но чем терять время зря, лучше просто

поверьте – аргументов у нас предостаточно.

Коротко глянув на невозмутимого Кириллова, майор усмехнулся и продолжил:

– Кстати, вы хорошо держитесь!

– Я не думаю, что если бы вы захотели меня прижать, вы бы затеяли такие сложные телодвижения, – сухо прокомментировал фразу Кириллов. – Поэтому прошу вас перейти непосредственно к делу!

– Отлично! Итак, суть дела вкратце такова: нам нужен ваш телохранитель, некто Корнев Олег Геннадьевич, если я не ошибаюсь...

– Для чего, позволю вас спросить?

– Это уже, прошу прощения, вас не касается... – сказал было Гришанин, но, бросив взгляд на мгновенно помрачневшего депутата, поправился: – Ну могу намекнуть, что его кондиции и методика подготовки таких бойцов нашей конторе необходимы, как воздух. Я надеюсь, вы понимаете, что мы привыкли добиваться своих целей, несмотря ни на что?

– Да, – не стал возражать Кириллов. – Однако я тоже не привык сдавать своих людей. Поэтому у меня есть встречное предложение. Правда, оно немного сырое, и я попрошу у вас пару неделек тайм-аута, но я думаю, что мы сможем прийти к обоюдному согласию, господин майор!

– Не понял?

– А что тут непонятного? – хмыкнул его собеседник. – Сегодня у нас двенадцатое, не так ли? Так вот, числа двадцать четвертого, через понедельник, я жду вас и вашего шефа у себя в кабинете. На конфиденциальную беседу. Никаких «но»! – предупредил он недовольный жест майора. – Я буду разговаривать только с тем, кто имеет полномочия принимать решения. А эту ерунду можете забрать: для меня это далеко не аргумент!

– Ясно... – ухмыльнулся майор. – Тогда мне пора... Кстати, не сочтите за труд прочитать на досуге и вот этот прелюбопытнейший документ. А я имею честь

откланяться! – протянув Кириллову еще одну папку, он вылез из салона и пропал...

– Леночка! Приходько ко мне! Срочно! – бросил Кириллов, ворвавшись в офис буквально через сорок минут после памятного разговора с майором Гришаниным и, пролетев через приемную, ворвался к себе в кабинет и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Секретарша испуганно поежилась, затолкала подальше в стол свежий номер «Космополитена», который штудировала в отсутствие шефа, и принялась судорожно тыкать по клавиатуре телефона – за два года работы на Михаила Вениаминовича в таком состоянии она видела его впервые. И от этого не на шутку испугалась...

Приходько ответил со второго звонка. Поняв, что его требует шеф, по-военному ответил «Есть!» и отключился, чтобы появиться в офисе через полчаса. За это время Леночка успела отнести шефу черный кофе со сливками и вызвать Коренева и Селезневу...

– У себя? – для проформы спросил Приходько, даже не снижая скорости передвижения и, получив утвердительный ответ, скрылся за дверью кабинета... За те считанные мгновения, которые прошли до того момента, когда захлопнулась тяжелая дверь, до Леночки донесся рев хозяина кабинета:

– На, полюбуйся! Что это за хрень?!

Наскоро пробежавшись по предложенным шефом бумажкам, Приходько изумленно поднял глаза и ошарашенно спросил:

– Кто это нарыл, босс?

– Государство, мать его! В лице особо ретивых силовых структур...

– И что им надо?

– Коренева! В личное пользование!

– Не понял? – Семен взвесил папку на ладони, еще раз пробежал глазами заключительный лист и медленно-медленно переспросил: – Коренева? Да тут лет на сто срока! И все это – за одного обыкновенного телохрана? На хрена?

– Сам не знаю... – устало буркнул Кириллов. – Но не хочу его отдавать...

– Тогда отправим его к Семченко, на пластику... Потом выправим новые документы...

– На, прочти и это! – По столу скользнула еще одна папка, но уже существенно тоньше, и остановилась напротив Приходько...

– Ого! – только и смог сказать Семен, ознакомившись с содержанием трех листов формата А-4, соединенных степлером.

– Вот тебе и ого-го! – мрачно поддакнул Кириллов. – Вся схема, до последней ниточки, с подстраховками и заменами... Как на ладони! Так что ни к Семченко, ни к любому другому хирургу мы никого отправить не сможем... Мало того, я думаю, что люди, проделавшие такую титаническую работу, просчитавшие мои действия на несколько шагов вперед, вряд ли дадут нам свободу для маневра...

– Профи, шеф! – уважительно покачал головой Приходько. – Система, мать ее! Я и не думал, что после развала Союза у нас еще осталось что-то подобное!

– Вот и я не думал... – вздохнул хозяин кабинета и, устало прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла. – А отдавать парня мне все равно не хочется! Попробуй поразмыслить на досуге, может что в голову придет? У нас есть время до следующего понедельника... Кстати, Кореневу пока ни слова. Чтобы зря не напрягался... Ладно?

– Как скажете, шеф! Я пойду, помозгую... Кажется, есть небольшая идея, но мне надо кое-что прикинуть...

– Иди... и скажи Ленке, что меня нет ни для кого... И еще... Я там вызвал Олега... Отправь его домой – встречу в Сбербанке я отменил...

Глава 17

– Значит, Кириллов! – задумчиво потерев бровь сжатым кулаком, Шокальский задумчиво посмотрел на стоящего перед ним капитана. – А что у нас на него есть?

– Не так много, Сергей Александрович, но удалось нарыть кое-что любопытное! Я тут подготовил справочку, вы можете посмотреть!

Следующие десять минут в кабинете воцарилась мертвая тишина – генерал внимательно изучал переданные ему распечатки, иногда делая пометки карандашом прямо на полях. Наконец оторвавшись от бумаг, он заинтересованно посмотрел на подчиненного и, хмыкнув, заявил:

– Определенно, я в тебе не ошибся! Ты прав, Кириллов – это фигура! И Крутицкого он заинтересует... Вернее, уже заинтересовал... Ты выяснил, что Гришанин от него хотел?

– Увы, не было возможности, товарищ генерал. Зато я тут придумал, как немного озадачить этого самого Кириллова: чтобы у него не было возможности хоть чем-нибудь помочь конкурентам...

– Ну-ну! Я слушаю! – Шокальский отодвинулся от стола и немного расслабил форменный галстук...

– У них там, ну, в смысле, у Кириллова, проект один в стадии решения... С грузинской ОПГ. В общем, я, через одного своего человечка, слил информацию этим самым грузинам, что Кириллов планирует их кинуть. На сорок миллионов долларов – таков ожидаемый «выхлоп» сделки... Ребята напряглись и задумались... Дня через два я им подкину доказательств – они за головы схватятся... А ребята они, как вы знаете, горячие – не простят...

– Так Кириллова, я думаю, не лохи охраняют! – хмыкнул довольный известиями генерал.

– Не поможет! У них на той неделе встреча намечается. В грузинском ресторане, контролируемом ОПГ. Мой человечек там подсуетится как надо, и Кириллова, я надеюсь, можно будет списать со счетов...

– Хорошо бы... В общем, так, капитан! Сделаешь все по уму – майора получишь!
Вопросы?

– Никак нет, товарищ генерал! – в струнку вытянулся Сидоров. – Разрешите идти?

– Иди и пришли ко мне Сапегина, он должен ждать в приемной...

Глава 18

...Пробуждение было ужасным: у меня ныли дико перетруженные мышцы; каждая ранка давала о себе знать; руки и ноги просто отказывались двигаться; раскалывалась голова, и сводило желудок от голода. Вдобавок мне всю ночь снился бесконечный сон, в котором я рубил то Тварей, то монахов, то снова Тварей. Казалось, что от него я устал больше, чем от реального боя. Кое-как поднявшись с камней, я с ужасом осмотрел Ущелье и отправился к нашим котомкам на поиски чего-нибудь съестного. Добравшись до сваленных в кучу вещей и найдя себе здоровенный ломоть хлеба с мясом, я с утробным рычанием вгрызся в него, запил первый кусок водой из фляжки и, немного насытившись, занялся своими ранами. Как оказалось, мне повезло: несколько незначительных порезов на руках, один – на правом бедре и ссадина на левом плече должны были зажить через пару недель.

У всех остальных дела были похуже: Боно получил всего одну, но довольно тяжелую рубленую рану в плечо, отчего его левая рука уже вряд ли когда-нибудь сможет полноценно двигаться, не говоря уже о том, чтобы пользоваться мечом или щитом. Самир пропустил два удара в живот. Не очень глубоких и опасных, но шевелиться ему было довольно тяжело. У Мериона пострадали в основном ноги и руки – многочисленные порезы не сильно, но кровоточили и в ближайшую неделю должны были доставить ему массу хлопот...

Насытившись и обработав свои порезы, я занялся оружием: восьмичасовая рубка сказала даже на «вечных» Черных Клинках, и им требовалась правка и заточка. Привычно пройдясь по лезвиям оселком, я минут за сорок привел их в относительный порядок, а потом решил побродить по груде тел, чтобы собрать все Клинки, которые принесли в наш мир Твари: оставлять такое добро валяться на Тропе, особенно после нападения на нас Ордена Алого Топора, было слишком опасно и расточительно. Перемазавшись с ног до головы, часа за два я отложил в сторону почти две сотни Черных Клинков и, пересчитав их еще раз, восхитился: за всю историю Приходов нам впервые удалось захватить столько «вечного» оружия!

Как правило, перед самым закрытием Врат Твари организовано отступали, унося оружие погибших воинов с собой, чтобы не оставить на нашей стороне ни одного Клинка. В этот раз они, видимо, до последнего момента надеялись прорваться сквозь жидкий заслон из четырех человек и, наверное, поэтому наша добыча оказалась настолько богатой. Среди тел наших погибших товарищей, метрах в восьми от основной массы тел Тварей я наткнулся на тело двумечного воина Тьмы, который доставил мне столько неприятных минут в самом начале Прихода. Подобрал его мечи, я внезапно почувствовал какую-то ненормальность в их весе и балансе. Наскоро протерев лезвие одного из них от слизи, я, присмотревшись, понял, что фактура металла резко отличается от остальных Черных Клинков: по мечу словно бежали волны, закручиваясь в спирали, расплескиваясь брызгами, сталкиваясь и разбегаясь в разные стороны. Лишь самый край режущей кромки, отливая фиолетовым, был лишен этого «узора». Попробовав Клинок на изгиб, я с удивлением понял, что он раза в два более гибок, чем остальные «вечные» мечи. И при этом немного легче. Острота лезвия меня тоже поразила: лезвие без труда прошло через латы валяющейся рядом Твари, прорубив их вместе с ее грудной клеткой! Ошеломленно посмотрев на дело своих рук, я почти бегом бросился к остальному отобранному оружию и после недолгих поисков обнаружил еще четыре таких же произведения искусства неведомых мне оружейников. Правда, два из них были слишком легкими для любого из нас, но все равно находка вызвала у меня восторг. Приведя в порядок первых два Клинка, я направился к Мериону, чтобы похвастаться своей находкой...

Через два часа, нагруженные частью Черных Клинков как вьючные животные, мы кое-как доковыляли до пещеры в Зброшенном Ущелье, где обычно хранились наши запасы и о которой знали лишь адепты, прошедшие высшую

степень посвящения, и сгрузили свой груз в хранилище. Перекусив, сделали еще два рейса за остатками и до самого вечера полировали и правили свои трофеи. Потом смазали их маслом и, аккуратно разложив на стеллажах, в вечернем полумраке выбрались наружу.

Через полчаса неспешной ходьбы я заметил, что Наставник постоянно нащупывает меч на перевязи и тревожно поглядывает вперед. Подойдя к нему, я поинтересовался причиной такого волнения:

– Учитель! Что-нибудь случилось?

– Пока не знаю, мальчик мой, – не снижая темпа ходьбы, ответил он. – Но что-то мне не нравится отсутствие людей короля... Уже больше суток, как закрылись Врата, а мы не видели еще ни одного человека! В прошлый цикл нас встречала целая делегация из гвардейцев, придворных врачей, наших близких и зевак, желающих первыми увидеть победителей. Нас почти всю дорогу до Аниора несли на руках! А сейчас? Может, мы зря оставили все оружие в хранилище?

– А что могло произойти? – удивился я. – Ведь Твари не смогли прорваться!

– В нашем мире хватает своих тварей, мой мальчик! Давай-ка немного отдохнем и заодно поразмыслим...

– А можно, я пока сбегая обратно и возьму себе те два новых Клинка? – загорелся я.

– Бери, бери! Дай бог, чтобы они нам негодились! – грустно усмехнулся он и устало сел на траву.

...Выбравшись из лабиринта ущелий на плоскогорье, мы сразу увидели зарево пожара над Обителью и Аниором. Судя по их площади, горело все, что могло гореть. Перейдя на бег, мы почти добрались до догорающих развалин Обители, когда наткнулись на изувеченное тело королевского гвардейца, явно посланного к нам с сообщением. Увы, его встретил явно превосходящий по силе и количеству враг: гонец был изрублен в капусту. Судя по количеству следов вокруг, в кустах около дороги его поджидали человек десять. Шансов у него

просто не было...

Самир, оскалившись, покружил вокруг тела, потом вломился в кусты, где скрывалась засада, и вскоре выбрался обратно.

– Это Орден! Еще один отряд! Вторжение! Нам стоит сойти с тропы и поторопиться... Хотя, на мой взгляд, против армии Империи Аниор не устоит и дня. А прошло уже гораздо больше...

– Самир! С твоими ранами торопиться мы не можем: ты и так после этой пробежки еле дышишь... – возмутился я. – Давай я перевяжу тебя еще раз...

– У вас там близкие!

– Если Орденцы захватили город, то им уже ничем не поможешь! – мрачно отметил Наставник. – Ты же прекрасно знаешь, что они вырезают всех, оставляя за собой лишь кровь и пожары... А если нет, то пять минут и четыре человека, из которых двое еле стоят на ногах, вряд ли сильно изменят соотношение сил.

– Ты прав! – согласился воин и практически рухнул на траву.

Я быстро обработал открывшиеся раны целебной мазью, снова стянул могучий живот повязкой и помог Самиру подняться на ноги. Тем временем Учитель привел в порядок рану Боно, и мы, сойдя с тропы, почти вдоль берега Белой быстрым шагом направились к Аниору.

Глава 19

К Михаилу Вениаминовичу Кириллову, одним из телохранителей которого я трудился уже третью неделю, я привыкал довольно долго: то ли третий срок в депутатском кресле, с сопутствующей этой должности «неприкосновенностью», то ли крупные капиталы за границей, то ли врожденные свойства характера делали его похожим на удава. Все, что попадало в сферу его интересов, должно было принадлежать ему. И никому более. Тяжелый, немигающий взгляд, который вызывал трепет даже у его правой руки и друга детства Семена

Приходько, в чьем ведении и была личная охрана шефа, вызывал у его сотрудников состояние непреходящего шока. Впрочем, мне и Деду было плевать и на взгляд, и на его сотрудников, и на капиталы этого теневого воротилы: контракт, подписанный мною с господином Кирилловым, подразумевал достаточно высокую оплату за совершенно смехотворные услуги. Пять дней в неделю, с шести вечера и до двенадцати ночи я должен был обеспечивать его безопасность на разного рода переговорах и по пути домой. За это я ежемесячно должен был получать семь с половиной тысяч долларов. Плюс бонусы в случае «решения» мною нештатных ситуаций, медицинская страховка, лицензия на право ношения огнестрельного оружия и т. д. и т. п. Прочитав контракт, я здорово удивился: Мерион за какие-то шесть лет пребывания в этом мире не только не потерял своей хватки, но и перенес ее в область, ранее ему совершенно незнакомую – в юриспруденцию. Впрочем, способностям своего Наставника я перестал удивляться уже довольно давно...

...Обязанности, возложенные на меня контрактом, были довольно интересными: как оказалось, в Москве существовал целый мир, который мне был совершенно неизвестен. Мир Больших Денег. Десятки закрытых клубов и ресторанов, вечер в которых стоил больше, чем зарабатывал за год средний москвич, офисы, в которых оперировали суммами, равными бюджету городского района или небольшого города. Люди, одно знакомство с которыми уже составляло приличный капитал в твердой валюте... И отношения между ними, запутаннее и опаснее которых вряд ли что-либо можно было найти: интриги, которые вел в нашем мире Орден Алого Топора, по сравнению с тем, что я видел здесь, казались детским лепетом. И я, находясь рядом с ним и балансируя на краю боевого транса, частью своего сознания впитывал новую для меня информацию, чтобы позже ее проанализировать и обсудить с Дедом...

Однажды вечером, сидя в отведенном для отдыха телохранителей и водителей-охранников кабинете, я безуспешно боролся с одолевающей после очередной утренней тренировки зевотой, и чуть было не прослушал голос, раздавшийся в динамике над дверью:

– Олег Коренев! Зайдите к шефу!

Пришлось вскочить и быстрым шагом пройти по короткому коридору в сторону кирилловской приемной.

Леночка Белобородько, двадцатидвухлетняя модель какого-то известного модельного агентства, увидев меня, привстала из-за своего стола и махнула рукой в сторону его кабинета: – Он тебя спрашивал!

На всякий случай посмотрев на часы, я приоткрыл дверь и, сделав шаг, оказался внутри.

– Привет! – не поднимая взгляда от каких-то бумаг, буркнул себе под нос Кириллов. – Подойди к Селезневой – она в курсе всего. Берите Мишку, разъездную тачку и дуйте в магазин, купите что-нибудь приличное из одежды. В восемь у нас серьезная встреча. Деньги возьми у Леночки. В семь сорок пять ты должен быть здесь. Ясно?

– Да, шеф! – ответил я и, не дожидаясь разрешения, вышел из кабинета.

Следующие полтора часа прошли довольно весело: попытки найти костюм на мою «нестандартную» фигуру сначала ввергли Ирину Селезеву в состояние ступора. Пиджак пятьдесят шестого размера, не трескающийся в плечах, позволял запахнуть в районе талии как минимум еще одну девушку, а брюки пятидесятого, подходящие по длине, без ремня просто сваливались на пол. Кроме этого, рукава пиджака не налезали на предплечья. Впрочем, зная принципы работы своего шефа, она, немного покумекав, достойно вышла из ситуации: заплатив полторы цены за и без того не самый дешевый костюм от «Zegna», она тут же распарила два разных комплекта и с помощью местного портного быстренько подогнала получившийся сет мне по фигуре. Так что к восьми часам, усаживаясь на переднее сиденье роскошного «Мерседеса» представительского класса, я чувствовал себя немного не в своей тарелке – одно дело двигаться в джинсах, водолазке и кроссовках, к которым я уже достаточно привык, а другое – в сидящем по фигуре костюме и модельных ботинках. Впрочем, как говорят местные, «положение обязывает»!

...Ужин начался довольно обыденно. Кириллов с явным удовольствием приступил к карпаччо. Его партнер, явно не принадлежащий к высшему свету, – костюм на тщедушном, сухоньком тельце шестидесятилетнего на вид мужичка с пронзительными, на редкость неприятными глазами смотрелся как на корове седло, – уминал говяжий язык с ткемали. Неспешно болтая о возможности реализации какого-то совместного проекта, обе договаривающиеся стороны

слово разминались перед предстоящими переговорами, наслаждаясь заказанными блюдами. А я, стоя в двух метрах за шефом, в проеме между окнами VIP-кабинета, пытался определить причину ощущения опасности, исходящего от «партнеров». Однако первые минут двадцать сделать это мне не удавалось: да, находясь в состоянии боевого транса, я чувствовал и ненависть к Михаилу Вениаминовичу, и готовность к какому-то негативному событию, но вот понять, что они замышляют, не получалось – чего-то не хватало. Пришлось утратить осторожность... Но как только в кабинете ресторана возник официант, в сознании «партнеров» будто что-то вспыхнуло. И тут же все встало на свои места: стоило официанту, возникшему рядом с шефом, с поклоном показать заказанную бутылку вина, я среагировал чуть ли не раньше, чем Кириллов протянул руку к бокалу:

– Это вино пить нельзя!

– Рот закрой, мясо! – рявкнул охранник Резо Давидовича и тут же отступил за свою портьеру, остановленный повелительным жестом хозяина:

– Что себе позволяет твой человек, дорогой? – Радушие на лице кавказца могло обмануть кого угодно, но ощущение сжатой пружины в его сознании я чувствовал чуть ли не лучше, чем браслет часов на своем левом запястье.

– Не волнуйтесь вы так, уважаемый Резо Давидович! – не отрываясь от еды, успокоил его Кириллов. – Просто эту бутылочку мы открывать не будем. Халдей, пожалуй, сбегает за другой. А эту я оплачу из своего кармана и после ужина заберу с собой. И если мой человек ошибся, то он будет наказан!

– Наказать его можно и сейчас, а недоверие ко мне в моем же ресторане мне совсэм не нравится! – Едва заметный в начале разговора акцент вдруг резанул слух и мне, и, судя по напрягшимся плечам, моему шефу.

– Я доверяю вам, батано Резо! – с металлом в голосе произнес Кириллов. – Но не каждому из тех, кто на вас работает. Они все – живые люди, и достаточно большие деньги кого-то из них могут заставить делать глупости. А мне бы не хотелось перекладывать их вину на вас как на приглашающую сторону! Как вас там? Важа? – повернулся он к замершему на месте официанту. – Отдайте бутылку моему телохранителю!

– Сейчас! – замялся тот. – Сбегаю и заверну ее в пакет!

– Немедленно!

– Служай, ты зачем голос повишаешь? – практически прошипел хозяин ресторана. – Нэправилно как-та!

– Я у вас гость? – спокойно спросил шеф. – Тогда я не понимаю, почему бы вам не пойти мне навстречу в таком маленьком вопросе?

– Это вапрос недоверия ка мне! – взвился Резо.

– Я, по-моему, уже говорил, что не к вам! – Кириллов махнул мне рукой, и официант, пытавшийся бочком-бочком выскользнуть из кабинета, вдруг оказался без бутылки. Я аккуратно поставил ее на прикрытый портьерой подоконник и снова изобразил статую.

– Может, перейдем к нашим делам? – поинтересовался Кириллов, даже не повернув в мою сторону головы. – А то мы, мне кажется, впустую тратим время.

– А мне не кажется! – Пистолет, возникший практически одновременно с последним словом хозяина в руке его телохранителя, вдруг покачнулся, а потом с грохотом упал на пол: нож для мяса, еще мгновение назад лежавший справа от тарелки шефа, пробил запястье руки и, видимо, несколько расстроил такого нерасторопного кавказца.

– По-моему, не все ваши люди разделяют высказанные вами ранее намерения! – Аккуратно вытерев губы салфеткой, Кириллов встал из-за стола и, одернув пиджак, направился к выходу. – Когда вы решите, что готовы для серьезного разговора, то позвоните мне, уважаемый Резо Давидович! А я пока, с вашего позволения, удалюсь!

Как я и предполагал, позволения выйти из кабинета нам пришлось бы ждать до Дня Прихода Врат, то есть как минимум еще полгода, поэтому мне пришлось немного потрудиться: все четыре человека, ворвавшиеся в кабинет после незаметного нажатия хозяином ресторана на кнопку под правой стопой, оказались неплохо вооружены. Но слишком медлительны. И буквально через

несколько секунд Кириллов, с интересом заглядывая в глаза хрипящему в удушяющем захвате Резо Давидовичу, покачал головой:

– Жаль, батоно Резо! Я был о тебе лучшего мнения! Ну извини, если что не так! – Он кивнул мне головой и, потеряв интерес к бывшему партнеру, со сломанными шейными позвонками оседающему пол, направился к выходу...

– Семен! – Усевшись в машину, Михаил Вениаминович захлопнул за собой дверь, приспустил стекло и поманил к себе взволнованного таким скорым окончанием переговоров зама. – Возьми двух бойцов и разберись внутри. А то мы там немного наследили. И не забудь проверить помещение на предмет всякой там записывающей дряни... Закончишь – приезжай в офис. Вопросы?

Приходько молча кивнул и, сделав знак двум охранникам из джипа сопровождения, забежал по ступенькам в ресторан и скрылся за тяжелой деревянной дверью...

– Боря! Поехали! – скомандовал водителю Кириллов и, опустив спинку сиденья, устало прикрыл глаза.

...Задержишься немного! – Кириллов, не произнесший по дороге в офис ни одного слова, влетел в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

Налив себе кипятка из кулера и опустив туда пакетик заварки, я устроился в кожаном кресле у окна и, с интересом наблюдая за начинающейся в еще минуту назад почти безлюдном офисе суетой, принялся за чай, с аппетитом заедая его свежими сушками...

Через двадцать минут в офисе появился Приходько, – он с бешеными глазами пронесся мимо меня и исчез за дверью кабинета шефа. Потом прилетела Леночка, которая занялась бурной деятельностью – кому-то звонила, носилась с чаем и бутербродами в кабинет шефа, бегала на кухню, что-то распечатывала... Потом приехали четверо хмурых ментов в звании не ниже майора, в сопровождении того же Приходько, встречавшего их у подъезда, и исчезли у хозяина в кабинете... А где-то к трем часам ночи, когда я доедал бутерброд,

любезно сделанный нашедшей и для меня свободную минутку Леночкой, включившийся селектор голосом Михаила Вениаминовича потребовал меня к себе.

Оба ночных охранника, посланные с бутылкой в какой-то институт еще в момент нашего приезда и вернувшиеся буквально несколько минут назад, удивленно ели меня глазами. А вот взгляды милиционеров, сидящих вокруг стола для переговоров, мне здорово не понравились: в них, кроме интереса ко мне как к человеку, спасшему жизнь их другу (или кем им там являлся мой шеф), светился другой. Выражающийся в годах заключения, которые я заработал по местным законам там, в ресторане батоно Резо. Впрочем, это были проблемы Кириллова, и этот вопрос, заранее оговоренный Дедом, перестал меня интересовать. Тем более что Михаил Вениаминович привстал из-за стола и, слегка наклонив голову набок, что, как я успел уже узнать, означало у него крайнюю степень удивления, сообщил:

– В бутылке яд. Замедленного действия. Как ты это понял, я спрашивать не буду – это твоя работа. Но поблагодарить обязан. С меня причитается... А по поводу остального – не переживай! Все, что нужно, уже сделано. И, – он бросил взгляд на свои наручные часы, – подожди меня еще десять минут, пожалуйста!

Действительно, народ из его кабинета потянулся буквально через пять минут: сначала ушли милиционеры, на ходу пряча в карманы пухлые конвертики, потом вылетели оба охранника и практически сразу куда-то унеслись, потом вышел Приходько и, пожав мне руку, жестом показал в сторону двери...

– Садись! Извини, что задержал! – Кириллов, испытующе глядя мне в глаза, нервно взъерошил себе шевелюру и, приоткрыв сейф, достал из него два свертка и положил на стол передо мной:

– Здесь премия и благодарность за мою жизнь, которая, как ни странно, мне дорога... – В его глазах на миг промелькнуло что-то похожее на улыбку. – И деньги на машину. Это мой подарок. И не скупись: возьми себе что-нибудь достойное. Я ценю своих людей!

Потом он встал, обошел вокруг стола и протянул мне ладонь:

– Еще раз большое тебе спасибо! Можешь идти отсыпаться. Кстати, ближайшие три дня ты мне не нужен: до тех пор, пока не разрулят ситуацию с людьми покойного Реваза Кутаисского, я не буду высовываться с дачи, а значит, ты сможешь от меня отдохнуть...

Глава 20

...Аниор горел. Распахнутые настежь створки северных ворот и всего четыре тела гвардейцев возле них свидетельствовали о том, что нападение было неожиданным и защитники города не успели даже обнажить оружия. За воротами не было видно ни одного человека, и мы осторожно вошли внутрь, обнажив мечи, с опаской оглядываясь по сторонам. Уже через десяток шагов на нашем пути появились первые тела горожан: растерзанные, будто дикими зверями, женщины, порубленные дети и старики лежали в лужах крови практически около каждого дома. Я почувствовал, что меня начинает трясти озноб: даже Последняя Тропа после Прихода смотрелась лучше. И потом, там был враг и тела воинов, мужчин, – а тут...

Самир скрипел зубами, выдавливая сквозь зубы невнятные проклятия. Боно и Мерион, белые, как бумага, вглядывались в лицо каждого тела и шептали имена знакомых. Я внезапно понял, что где-то там, впереди, так же могут лежать Беата и Элли, и у меня вдруг подкосились ноги. Самир, вскрикнув от боли в ране, успел поймать меня за руку и прижал меня к себе:

– Держись, парень, еще не все потеряно!

– Отомщу! Уничтожу! Задушю... – От безумной жажды крови у меня на миг потемнело в глазах...

Кое-как сдержавшись, я быстрым шагом направился в сторону улицы Медников, где король предоставил дома нашим родным, благо до нее было недалеко. Пробираясь сквозь дым пожарищ и горы скарба на улицах, я искал тела воинов Ордена Алого Топора, зарубленных защитниками Аниора, и не находил: то ли основное сопротивление оказывалось около дворца, то ли силы были настолько неравными, но до самого гостевого дома я не нашел ни одного убитого монаха. Улица Медников оказалась первым очагом сопротивления на нашем пути: возле

дома Элли, как ни странно, не тронутого огнем, на земле я насчитал семь трупов захватчиков. У самой двери, все еще сжимая в правой руке свой любимый кистень и смотря на нас мертвыми глазами, сидел старый Сэнар, дедушка Элли, когда-то прошедший через горнило семи (!) Приходов. Судя по тому, как было изуродовано его тело, Орден жестоко отомстил старику за его самоотверженность: у него не хватало левой руки; все его тело покрывали сплошные раны, и даже лицо было, судя по всему, уже после смерти нещадно изрублено топором. Наставник, побледнев еще больше, встал перед старым воином на колени и, прикрыв его глаза ладонью, прошептал:

- Спи спокойно, старый вояка! Ты жил как воин, и умер как воин!

Я, не в силах больше сдерживать слезы, ворвался в дом и замер на пороге: в этом царстве смерти любой шорох казался кощунством! Вся гостиная была залита кровью и завалена трупами. Судя по всему, чтобы пройти гостиную и подняться по лестнице на второй этаж, воинам Алого Топора пришлось положить десятка два человек. Против женщин и детей и прислуги! Вглядываясь в лица защитников дома, я со страхом шаг за шагом поднимался по лестнице, моля Бога, чтобы Элли среди них не оказалось. Увы, мои мольбы оказались напрасными: моя ненаглядная тростиночка так и не успела выбраться из осажденного города: ее тело я нашел в самом конце коридора. Девушка, изуродованная до неузнаваемости, оказалась распята на стене, а в ее теле, прибывая его к стене, торчало восемь мечей Орденцев... Восемь их трупов устлали коридор от лестницы до стены с ее телом... А под ее правой рукой кровью были написаны две первые буквы моего имени...

Я, закусив губу, дрожащими руками выдернул из тела мечи, поднял девушку на руки и, пошатываясь на каждом шагу, спустился вниз. Самир, взглядевшись в мое лицо, закрыл глаза и без сил опустил на ступени. Мерион и Боно помогли мне положить тело Элли на землю, молча хлопнули меня по плечу и направились в дом, чтобы вынести оттуда тела остальных защитников. Вспомнив о Беате, я заставил себя встать и тоже занялся делом.

Вскоре тела всех двадцати двух человек, находившихся в доме, были найдены и сложены рядом с Элли. Оставив друзей заниматься погребальным костром, я, не слушая никаких возражений, вышел на улицу и побежал к гостевому дому. За два дома до него мне на пути попались первые живые воины Алого Топора: пятеро монахов прямо на улице увлеченно насильовали привязанную к лавке девочку лет тринадцати. Первый же взмах мечами снес голову ближайшему ко

мне воину. Следующий – отрубил руку второму... Третий и четвертый успели даже схватиться за оружие, но это им не помогло: я оказался быстрее. Пятый, пытаясь отскочить от жертвы, запутался в спущенных штанах, и я с удовольствием отрубил ему гениталии. Потом я, наслаждаясь его криками, лишил его поочередно обеих ног, потом рук, потом снес голову. Второй орденец, сжимая перерубленное запястье здоровой рукой, с ужасом смотрел на мой окровавленный меч и пятился назад. Пока не уперся в стену. Я подхватил с земли алебарду одного из поверженных бойцов и изо всех сил метнул ее во врага. Лезвие с хрустом пробilo его нагрудник вместе с грудью и застряло в стене... А моя душа продолжала требовать крови! Поняв, что все пятеро уже мертвы, но так и не заглушив жажды убийства, я вспомнил о девочке и перерубил связывающие ее веревки. Встать она не смогла... Пришлось поднять ее на руки и, пообещав за ней вернуться, спрятать в ближайших развалинах.

Чуть позже я нарвался еще на пару монахов; вернее, они напали на меня сами, заметив откуда-то из окна. Черный Клинок без особого труда перерубил лезвие меча первого атакующего, и я, довольно ухмыляясь, вогнал второй меч в его удивленное лицо. Его напарник попытался было отступить, но это ему не удалось: сначала оказалось, что ему некуда перенести вес при шаге назад – он оказался без ноги. Потом, уже под дикий вой испуганного воина, я снес ему руку с топором, потом, наслаждаясь каждым мгновением мести, вспорол ему живот и, сломав рукоятью правого клинка нижнюю челюсть, оставил его умирать...

Гостевой дом оказался сожжен дотла. Вокруг я не нашел ни одного женского тела: несколько зарубленных мужчин, по-моему, бывших торговцев с кожевенного квартала, да изувеченное тельце мальчика лет пяти. Зато метрах в сорока в стороне торгового городища догорал огромный погребальный костер, судя по всему, воинов Ордена Алого Топора...

Я почти целый час рылся в пепелище гостевого дома, пытаясь найти хоть какой-нибудь след, пока не услышал за спиной тоненький голосок:

– Дядя Ольгерд! Это вы?

Мгновенно развернувшись, я опустил мечи – передо мной стоял младший брат Элли, Лис, прозванный так за огненную шевелюру и острый любопытный носик, и, всхлипывая, растирал по перемазанному золой лицу слезы:

– Где вы были так долго? Я знал, что вы придете! Мне страшно, возьмите меня с собой!!! – Семилетнего мальчика тряс озноб.

– Все уже позади! Конечно, возьму! Иди сюда! – попытался успокоить я пацана. – А где Беата?

– Ее, маму, тетю Лауру и еще десяток женщин увели эти страшные монахи! Куда-то в сторону дворца! А всех остальных – убили!!! – Лис затрясся в приступе беззвучных рыданий, и я, подхватив его на руки, бегом понесся обратно к дому Элли...

Возле него за время моего отсутствия собралась небольшая толпа: Наставник, облизав окрестные развалины, нашел почти два десятка детей и женщин, успевших спрятаться от захватчиков. Заплаканные лица измазанных пеплом и кровью детей, их затравленные взгляды и трясущиеся от страха подбородки мало что добавили к моему и без того запредельному отчаянию... Подтолкнув Лиса к толпе детей, я снял с плеча легкое тельце девочки, все еще содрогающееся в рыданиях, и поручил ее заботам пары не потерявших самообладания женщин. Потом подошел к Наставнику и вполголоса рассказал ему о том, что услышал от мальчишки. Длинная Рука оценивающе посмотрел на меня, потом принял решение и повернулся к Самиру и Боно:

– Каменный Цветок! Боно! Забираете всех и пробираетесь к Лысой горе. Постарайтесь не ввязываться в схватки: ваша задача довести детей до перевала Трубы. Ждете нас там до завтрашнего вечера. Если мы не вернемся, значит, не судьба! Тогда попробуете устроиться в охотничьем домике – там вас никто не найдет. Мы с Ольгердом уходим к дворцу. Попробуем освободить хоть кого-нибудь...

Самир, не тратя силы на слова, просто кивнул головой и приподнял вверх сжатый кулак, желая нам удачи в бою. Боно поклонился нам обоим и, сжав здоровой рукой рукоять меча, произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/gor-_vasiliy/prorochestvo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)